

АЛЕКСАНДР
АФАНАСЬЕВ



КАВКАЗСКИЙ УЗЕЛ



Александр Николаевич Афанасьев
Кавказский узел
Серия «Враг у ворот.
Фантастика ближнего боя»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22958129
Александр Афанасьев. Кавказский узел: Эксмо; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-93480-5

Аннотация

План Госдепа был прост и даже изящен. Создать группировку радикальных исламистов, которая превратит Ближний Восток в кипящий котел непрерывной войны, а когда пар из этого котла вырвется наружу, натравить радикалов на Россию. Но произошло то, чего не ожидал никто. В России фактически произошла оранжевая революция и к власти пришли прозападные силы. Запад резко дал по тормозам и фактически вышел из числа пайщиков проекта «Исламское государство», запрещенной у нас организации. Турция, которая по уши увязла в этом затянувшемся конфликте, оказалась вне игры, но именно поэтому она решила отнять у России Кавказ...

Содержание

Часть первая. Аслан	5
Махачкала, Россия. 11 мая 2017 года	5
Махачкала, Россия. 4 июня 2017 года	26
Махачкала, Россия. Январь 2018 года	38
Уроки демократии. Махачкала, Россия. 11 апреля 2018 года	53
Дагестан, Махачкала, 1 мая 2018 года. Размежевание	87
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Александр Афанасьев

Кавказский узел

© Афанасьев А., 2017

© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Часть первая. Аслан

Махачкала, Россия. 11 мая 2017 года

Глупость – это не отсутствие ума. Это такой ум.
Генерал Александр Лебедь

– В «Двадцать шесть» сегодня идешь? Прокатимся вверх-вниз, движение создадим...

Аслан Дибиров, двадцати лет от роду, закрыл страничку в своем планшетнике, которую смотрел.

– По возможности, – сказал он.

«Двадцать шесть» – это модное молодежное кафе, оно так называется, потому что находится на улице, которая раньше называлась Двадцати шести бакинских комиссаров. Кто такие двадцать шесть бакинских комиссаров – никто в Махачкале не знал и знать не хотел¹. Но и новое название улицы не прижилось, все говорили просто – двадцать шесть. И от того – назвали модное кафе, в котором собиралась городская

¹ Двадцать шесть бакинских комиссаров – это бакинские коммунисты, расстрелянные, когда в Баку вошел британский экспедиционный корпус. При подозрительных обстоятельствах в живых остался двадцать седьмой комиссар – не кто иной, как Артем Микоян, занимавший ключевые позиции в Политбюро при Сталине, Хрущеве и Брежнев.

молодежь из продвинутых. Продвинутые – это значит не повернутые на исламе, или как их тут еще называли – джамаатовские. Джамаатовские собирались в основном в мечети на Котрова или в подпольных молельнях, сделанных на базе обычных квартир...

Магомед – его друг и однокашник – хлопнул его по плечу.
– Многое теряешь. Аминка подругу приведет.

Он подмигнул.

– Русскую.

Весь этот разговор, состоявшийся в здании ДГУ, Дагестанского государственного университета, был понятен любому махачкалинскому пацану, а вот для тех, кто не из этого города, требовались пояснения. Аминка училась здесь же, на факультете психологии и философии, и была подружкой Магомеда, «постоянкой», как тут это называлось. Точнее – невестой, она была из того же народа, что и Магомед (а в Дагестане больше тридцати народов и народностей), и семьи уже давно сговорились меж собой. То есть посватались, это тут как вторая свадьба была. Вообще-то такие браки по договоренности были редкостью, но Амина была красивой, хоть и своенравной, и Магомед действительно любил ее, хотя и психовал сильно. С тех пор, как она стала ходить на фитнес и увеличила грудь, совсем покой потерял, то ему мерещилось, что у Аминки есть любовник намного старше ее, то что она собралась ехать в Москву и будет там обязательно проституткой, то что она вообще за границу собирается выехать.

В общем, психовал парень. Что совершенно не мешало ему изменять Аминке при первой возможности. Но – обязательно с русскими, потому что если изменишь со своими, завтра это будут знать все. А вот у Аслана, несмотря на то что тот и статью вышел, и деньги у него имелись, и умен, невесты так и не было. Дело в том, что у него не было сильной «спины», как тут говорят. У него мать русская. И значит, он выпадал из жесткой схемы взаимоотношений в дагестанском обществе, которая давала трещины, сыпалась, но держалась...

Хотя Магомед и еще некоторые ребята – все равно с ним дружили. И списывали, конечно, – на факультете информатики учиться трудно. По сути – Магомед только на его способностях и ехал, потому что деньги за поступление были заплачены, а учиться... если честно, то в этом вопросе Магомед был камень камнем². Но неблагодарной свиньей он не был – и в обмен за помощь в учебе давал Аслану своего рода крышу (а туххум³ у Магомеда был очень сильный, он был родственником главы администрации одного из районов, директора порта и еще кого-то там) и пробовал знакомить с девчонками. Пока – безрезультатно...

Что же касается русской – то тут тоже было все понятно. Хотя официально в Дагестане было равенство и братство народов, браки между представителями разных народов и народностей тут, мягко говоря, не поощрялись, равно как и об-

² Тупой (дагестанский сленг).

³ Род или объединение родов.

щение (между мужчиной и женщиной). И если что-то произошло или просто пошли слухи, то лучше всего было уехать от греха, в Москву или еще куда. Если даже не убьют, то жизни все равно не будет. Здесь любят рассказывать то ли анекдот, то ли притчу про имама, который... выпустил газы, или на местном диалекте «хызнул», на свадьбе в родном селе. Он вернулся только через тридцать лет, и первый же попавшийся ему на дороге парнишка сказал: я не знаю точно, когда я родился, но это было через двадцать лет после того, как на свадьбе обделался имам...

А с русской можно делать все, что угодно, она ничья, за нее не будут мстить. Потому – русские уезжали с Кавказа, но уехав, проблему не решить. Кавказ шел за ними по пятам – и вот уже собирали закят и выясняли, где чье пастбище (один из самых распространенных поводов для конфликта на Кавказе), в Краснодарском и Ставропольском краях, а скоро это дойдет и до Ростова, и дальше пойдет.

Потому что если ты не идешь на войну – война придет к тебе.

– Если успею, брат.

В глазах Магомеда мелькнуло понимание, смешанное с презрением.

– Опять на Левина идешь?

– Ага.

– Брат, а если так... оставить детские вещи. Вот тебе оно надо, за этих хипишнутых впрягаться?

– Надо...

Аслан был правозащитником. В республике, где у большинства до сих пор нет нормальной работы, дело вполне обычное, а положение правозащитника в обществе уважаемое. Проблема только в том, что правозащитники здесь были... как бы не совсем правозащитниками. Это были люди, чаще всего женщины, которые получали от бандподполья и коррупционеров немалые деньги и организовывали взамен всевозможные акции протеста. Как только антитеррористическому центру, расположенному в пансионате «Дагестан», удавалось отследить месторасположение какого-то джамаата и окружить его, так тут же как из-под земли появлялись женщины в черных платках, дети, женщины с детьми, они «работали на камеру», провоцировали сотрудников полиции из оцепления, требовали выпустить окруженную банду, иногда предлагали деньги, иногда пытались связаться с бандитами и сообщить им информацию. Точно такие же представления они устраивали перед судами, если судили кого-то из бандподполья. Морально давили на судей, на свидетелей, на потерпевших. Ну и помогали по мелочи... иногда продукты необходимо купить, иногда телефоны не паленые, иногда требуется принять у доверенного человека флешку и передать ее кому надо. Часто правозащитниками становились родственники погибших бандитов. Короче говоря, эти правозащитники защищали исключительно бандитов, были как минимум соучастниками в их промысле. Ну и кормились за

счет бандподполья... с тех пор, как начали писать флешки и вымогать деньги, денег было достаточно. А вот Аслан был настоящим правозащитником, один из немногих в Махачкале, кто реально хотел сделать место, где он живет, лучшим, чем оно было до этого. Да, он хотел, чтобы Дагестан отложился от России – но только для того, чтобы можно было без проблем попробовать реализовать проект демократического развития этой республики. Он видел все проблемы, которые были, – клановость, кумовщину, коррупцию. Но думал, что если Россия перестанет посылать сюда большие и незаработанные деньги, если его народу придется зарабатывать самому, если независимый Дагестан наладит связи с Грузией, с Азербайджаном, то эти явления удастся побороть быстрее. И может быть, Кавказ, с его исконными традициями народной демократии, не искорененными империей и поныне, неожиданно станет одним из мест, где история, остановившись две сотни лет назад, снова вдруг пойдет...

Магомед пожал плечами:

– Как знаешь, ле...

Они уже шли к выходу: Магомед к своей машине, Аслан на маршрутку. Магомед на ходу натыкал новый номер телефона, не стесняясь никого, заорал в полный голос.

– Ле⁴, Ислам, салам, брат! Движения не движения? Как сам? Папа-мама, брат-сеструха? В «Двадцать шесть» идешь

⁴ Ле – принятое в Дагестане обращение к мужчине, ставится в начале предложения.

сегодня?

Аслан дошел до автобусной остановки. Это была обычная махачкалинская остановка, завешанная рекламой. Рекламы в Махачкале было много, завешано ей было все и везде – какие-то правила размещения рекламы были, но ими никто не заморачивался, как и любыми другими правилами. Много рекламы свадебных салонов и организации свадеб (молодежи много, а ритуал свадьбы в Дагестане очень важен, на красивую свадьбу тратили последнее), много рекламы строек – в Махачкале строительный бум начался недавно и сейчас был в самом разгаре. Попадались и объявления с местной спецификой, например – «закинь себе на ахират», и номер мобильного. Это различные исламские фонды собирали деньги, считалось, что треть идет бедным, треть на распространение ислама, треть на помощь «нуждающимся в помощи братьям за рубежом». То есть – на джихад. Согласно Корану на том свете тебе вернется в семьдесят раз больше, чем ты «закинул себе на ахират». Никто не знал, куда на самом деле шли эти деньги, объявления эти регулярно обрывали, но они появлялись вновь, словно по волшебству. Немало было объявлений и с одной-единственной надписью – отдых – и номер телефона. Это – проститутки. Ситуация с проституцией в Махачкале была своеобразной – ислам предписывает в вопросе нравственности строгие правила, но Интернет и само нахождение Дагестана в составе России, да и просто

играющие гормоны подталкивают совсем к другому. Сложнее всего было девушкам: в ходу было такое понятие – «заснять». Это когда неподобающее поведение девушки (иногда изнасилование) снимали на мобильный телефон, потом оно распространялось во всей Махачкале – первым делом два правильных махачкалинских пацана, встретившись, интересовались, «есть ли телки», и переписывали друг у друга с мобилы такие вот ролики. Как только это происходило, подруги переставали с «заснятой» общаться, а пацаны, наоборот, начинали ее открыто домогаться, после того как «засняли», нормы ислама и традиционного общества, защищающие девушку от домогательств, переставали действовать. Выходов было три – либо девушка ломалась и шла по рукам, либо накладывала на себя руки, либо уезжала в другой город... но чаще всего запись находила ее и там. Аслан хорошо все это знал, потому что он делал доклад о сексизме и проблеме гендерного равенства в Дагестане на семинаре правозащитников в Вильнюсе. Многие коллеги – а там присутствовали правозащитники из США и Германии – были в шоке, после семинара подходили к нему, делились советами, давали рекомендации, как бороться с сексизмом и за гендерное равенство. А фонд Открытое общество Сороса даже выделил ему грант в десять тысяч долларов на дальнейшее изучение проблемы.

Дождавшись маршрутку – а тут вместо просторных «Мерседесов» и «Фольксвагенов», как в больших городах России,

все еще ходили старые, купленные уже подержанными «Газели» – Аслан втиснулся в нее вместе со всеми – и тут же начался скандал.

– Остановите машину! – заорала одна из уже ехавших женщин, пожилая, полная, с каким-то злым лицом. – Я с этой джамаатовской⁵ в одной машине не поеду!

Речь шла о женщине в черном покрывале никаба, протиснувшейся в автобус.

– Я не джамаатовская... – тихо сказала она.

– Чего?! Вон из автобуса, подорвешь еще нас всех! Вон!

Это было уже слишком – Аслан протиснулся в эпицентр конфликта, встал между женщинами, готовыми начать драку.

– Уважаемая ханум, – сказал он, обращаясь к сидевшей старшей, – если вы не возражаете, я поеду здесь, между вами. Если она подорвется, то пусть убьет меня, а не вас.

– Так мы едем или стоим!?! – заорал взбешенный водитель.

– Едем! – крикнул кто-то.

Маршрутка тронулась...

– Баркалла, – тихо сказала покрытая женщина, так что ее слышал только Аслан...

⁵ Джамаатовская (покрытая, закрытая) – обычное выражение для женщин, которые носят паранджу. Конфликты между «покрытыми» и «непокрытыми» существуют и носят очень острый характер. Кстати, надо сказать, что в сельских районах Дагестана среди женщин старшего возраста «покрытых» не найти – ношение паранджи никогда не было здесь традицией.

У следственного изолятора все было как обычно... черные, как вороны, женщины, вдовы и матери тех, кто погиб в вялотекущей гражданской войне, идущей в горах вот уже несколько десятков лет. Ментовские «УАЗы» – от обычных они отличались бронированием, на небронированных тут ездить нельзя. Несколько ментов с дубинками... щитов у них не было. Здесь не Украина, майдана с киданием бутылок в полицейнеров не бывает – каждый полицейнер из какого-то рода. Попробуй такое, как в Украине, сделать – такая резня начнется...

К Аслану подошел только Абделсалам, протянул плакат, на котором были написаны слова против беспредела ментов. Больше к Аслану никто не подошел – и так было с тех пор, как он получил грант на исследование проблемы сексизма и гендерной дискриминации в традиционных обществах Кавказа. Во-первых, сумма гранта была не десять тысяч долларов... сначала говорили про сто, потом и про двести тысяч долларов – совершенно нереальные для кавказских правозащитников деньги. Естественно, все обзавидовались... зависть на Кавказе присутствовала везде и во всем, ее было намного больше, чем в остальной России, и она была приводным ремнем множества социальных конфликтов. Второе – он получил грант из-за рубежа, и теперь правозащитники, многие из которых постукивали в ФСБ, просто боялись его. Третье – само понятие сексизма и гендерной дискриминации для Дагестана было диким, это была не проблема, это был

образ жизни. И если правозащитники и боролись, то за безнаказанность мужчин, а не за равноправие мужчин и женщин. Потому что невозможно защищать те права, которых нет и которые никому и не нужны.

Были, конечно, и люди, которые понимали – ты или в двадцать первом веке, или в девятнадцатом. И если ты в двадцать первом веке и хочешь в Европу, хочешь модернизировать свою республику – то надо соответствовать во всем, даже в мелочах... Вот почему Петр Первый брил силой бороды, а при японском императорском дворе однажды запретили национальные кимоно и повелели всем приходить в костюмах западного типа. К таким людям относился и Аслан, его и таких, как он, в республике считали стебанутыми...

– Что нового?

– Заблокировали Мурата с его людьми. Когда брали, они еще живые были, спецназ добил. На глазах у людей...

Аслан кивнул. Все было так... смертной казни больше не было, а у спецназа – своя мотивация. Но добивали раненых и местные полицаи, часто для того, чтобы боевики не дошли до следователя, до суда и не рассказали, кто и какие деньги от них получал. Или какие флешки писали они, а какие – кто-то другой, возможно, сами менты...

– Вот как их оставлять...

– Говорят, в Москве беспорядки...

– Да, слышал... на площади какое-то движение левое. Ничего не изменится...

Сценарий был прост и отработан. К ним выходили и приказывали разойтись, затем тех, кто не подчинился, разгоняла полиция, особо не зверствуя. Каждый получал свое: одни – несколько синяков и еще одно подтверждение оккупационного характера власти, другие – прекращение несанкционированного митинга.

Но в этот раз все было по-другому.

Они заподозрили неладное, еще когда увидели несколько «КамАЗов» – больших, длинных, с зарешеченными окнами. Потом «КамАЗы» остановились, и из них начали высаживаться бойцы со щитами и дубинками, образуя строй.

– Свободу узникам Дагестана! – крикнул кто-то.

Но крик не поддержали, он так и увял на ветру. Потом строй загрохотал щитами, создавая резкий, нудный, пульсирующий в голове грохот...

Два строя стояли один против другого. Черный и безликий, защищенный касками и щитами – против строя правозащитников и равнодушных людей. Колыхались плакаты типа «наши дети не расходный материал» и «СМИ – разделяй, стравливай, властвуй».

А потом первый строй пошел на второй. Второму же отступать было некуда, за спиной – забор местного СИЗО.

– Э, тормози! – заорал кто-то.

Но было уже поздно.

Аслану не повезло. Вместе с задержанными его доставили не в ФСБ, а в местное МВД, где на скорую руку соорудили группу разбора. Его подвели к усталому, немолодому, явно русскому майору, тот равнодушно взглянул на него, взял протянутый конвоиром паспорт, перелистал. Никаких признаков принадлежности к бандподполью не было – ни половинки бритвы меж страниц в паспорте, ни аккуратно срезанного той же бритвой крестика на двуглавом орле в паспорте, да и бороды у Аслана не было. Майор еще раз перелистал паспорт, словно хотел удостовериться, не упустил ли чего, потом спросил у конвоиров:

– Этого за что?

– Находился в зоне проведения КТО, оказал сопротивление сотруднику полиции, – бодро отрапортовал конвоир.

Майор, который тут не первый день был и которого все конкретно достали, понял, что задержали ни за что. Такое тут постоянно происходит – может, просто хватали всех подряд, может, хотят запрессовать в камере и потребовать от родителей выкуп. Подонков хватает... иные дагестанские менты намного хуже «лесных братьев».

Но просто так отпускать тоже не годится. Это уже против неписаных правил ментовки – просто так не отпускают никого.

– Оформите за мелкое хулиганство и отпустите.

– О, какие люди... Салам.

Проходивший мимо сотрудник местного УФСБ подошел

к столу.

– Знаешь его?

– Как не знать. Воду мутит, выступает. Статьи пишет. Недавно деньги от американцев получил.

Майору было опять-таки все равно – ему надо было закончить разбор и определить куда-то всех задержанных, неважно куда.

– Заберешь его?

– Заберу.

– Забирай.

– Фамилия.

– Дибиров.

– Имя-отчество?

– Аслан Ахатович.

– Год рождения?

– Девяносто седьмой. Двадцатое февраля.

– Работаешь? Учишься?

– ДГУ. Факультет информационных технологий.

В кабинете следователя ФСБ было уютно, работал кондиционер. Ветер шевелил жалюзи, доносил шум машин с улицы. Вместо печатной машинки у следака был ноутбук с веб-камерой, глядевшей на него. Еще на столе лежали книги – его книги...

Книги, изъятые при обыске...

Закончив с заполнением шапки протокола – он печатал одним пальцем, – следователь пару раз ткнул по клавишам

и закрыл ноутбук.

– Вопрос первый – что ты делал в зоне КТО?

– Просто стоял. Я не имею права там стоять?

Следователь равнодушно пожал плечами.

– Почему, имеешь. Только никого твои права не е...т.

Он начал перебирать книги.

– Чарльз Тили. Демократия. Джин Шарп. От диктатуры к демократии. Он же – основы ненасильственной борьбы. Мухаммед аль-Ваххаб. Книга единобожия, Отведение сомнений. Саид Кутб. Под сенью Корана. Он же – вехи на пути Аллаха. Распечатки из Интернета.

Следователь отодвинул стопку в сторону.

– Скажешь – не твои?

– Мои.

– Все?

– Все.

Следователь хмыкнул

– Ну, зачем тебе Шарп, понятно. Ты американцам продался. Но зачем тебе Ваххаб и Кутб, а? Ты что – шариатский демократ?

– Чтобы понять.

– Что – понять?

Аслан смотрел на следователя. Вот он ему скажет – и что? Как об стену горох. Но имеет ли он право не сказать? Может, он, как те мученики, должен говорить всем о своих убеждениях и страдать за них?

– Молодые пацаны поднимаются, уходят в горы. Гибнут там. Вам их не жаль? Вы не пробовали понять, почему так происходит?

– Почему? Да просто дел натворили – а чем отвечать, проще в горы подняться, вот и всё.

– Они уходят от несправедливости. Мы живем в несправедливости и не видим ее, она для нас как данность, как норма. Но они не знают о том, что несправедливость – это норма, и пытаются, как могут, исправить ее.

Следователь усмехнулся.

– Бомбы подрывая?

– Они ошибаются. Мы все ошибаемся. Мы слишком эгоистичны, чтобы признать – проблема не в России, проблема в нас. Очень просто ненавидеть Россию – и тут же идти и получать от нее деньги за фиктивную инвалидность. И еще говорить, что эта ложь называется джихадом. Или говорить о нравственности в исламе – и тут же писать флешку и вымогать под нее деньги. Гораздо сложнее признать, что с нами очень многое не так и мы должны измениться.

– Измениться – как?

– Как? Посмотреть на окружающий мир. Он не стоит на месте! С чем мы сверяем свою жизнь? С законами, созданными сто, двести лет назад. С заветами предков. Но мир давно уже не таков. Мир живет на большой скорости, то, что было верным еще вчера, сегодня уже не совсем так, а завтра это устареет окончательно. Мы должны понять, что нас тор-

мозит, и отбросить это. Наши предрассудки. Наша родовая система – для нас сам человек не имеет никакого значения, мы не уважаем человека. Для нас человек – это его род, его туххум, его народ. Но так уже давно никто не живет, разве что только в Африке. Если бы Россия не давала сюда денег, то мы бы и были тут Африкой...

– А ты говоришь, что хочешь отложиться от России...

– Я этого не говорил. Но – да, я хочу, чтобы Дагестан отложился от России. Потому что тогда в республику перестанут приходить незаработанные нами деньги. И тогда мы начнем что-то менять. Пока что Россия не меняется, и мы не меняемся. Россия дает деньги, и ничего менять не нужно...

Следователь прикурил, чиркнув зажигалкой, как будто сделанной из цельного куска золота. Может, она и была сделана из чистого куска золота.

– Какой-то ты дурак, парень... – сказал он, – может, тебя на обследование отправить? Под психа косишь?

– Вы сами понимаете, что это так и есть. Просто боитесь сказать вслух.

– Так и есть? Ты хоть понимаешь, к чему ты призываешь? – зло сказал следователь. – Пока есть Россия, мы вместе. Потому что есть кого ненавидеть. И есть от кого требовать денег. Как только не будет России... тут такой ай-уй начнется... мы же все перегрызем друг друга. Ты это понимаешь?

– Я верю в свой народ.

– Да какой, б... народ... – зло сказал следователь – какой в ж... народ. Вы только и делаете, что по клубам тусите... народ. Все пере...сь друг с другом. Дай вам волю – вы тут парад пи...асов устройте, как в этой... Голландии, что ли. Нет больше народа! Нету! Раньше хоть в горах за идею были – а теперь с коммерсов бабки стригут и в стройку вкладывают, потому что в банк на проценты класть – харам. У амиров дома у кого в Турции, у кого в Абу-Даби. Ты думаешь, что вот эти КТО – они настоящие, что ли? Х..! Звонит амир, говорит: все, хочу соскочить. Делают операцию, типа окружили банду, рапортуют о том, что ликвидирован еще один главарь бандподполья, а на самом деле за половину бабла выпускают из страны, вот он и живет... подальше отсюда. Про Хизриева помнишь? Говорят, в Австралию уехал...

Следователь потушил сигарету, открыл ноутбук и забарабанил по клавишам. Барабанил минут десять, потом зашипел принтер, выбросив теплый гладкий лист бумаги.

– Прочитай, распишись. И свободен. Пока...

Аслан взял бумагу...

Я, Дибиров Аслан Ахатович, 20.02.1997 г. р., студент факультета «Информационные технологии» ДГУ, признаю, что летом 2017 года в период моего нахождения в г. Вильнюс был завербован ЦРУ США с целью ведения подрывной деятельности против Российской Федерации. Вербовка произошла при следующих обстоятельствах...

Аслан бросил бумагу на стол.

– Я не подпишу.

– Почему?

– Потому что это ложь.

Следователь усмехнулся

– Ты что, никогда не лгал?

– Это такая ложь, за которую придется отвечать.

– Отвечать придется, если ты это не подпишешь. Это я такой добрый. А вот попадешь ты по пятому направлению – защита конституционного строя... Книжонки у тебя ваххабитские нашли? Нашли. Милиционера ты ударил? Ударил. Знаешь, как тебя там обломают? А тут – ты даже срок не получишь, статья за измену предусматривает освобождение от ответственности в случае явки с повинной.

– Я все равно не подпишу.

– Как хочешь. Пойдешь в камеру, там подумаешь. Дня хватит?

В камере были ваххабиты (или те, кого считали ваххабитами). Но Аслана они не тронули, хотя следак, может быть, рассчитывал на другое. Узнали, что он правозащитник, и не тронули – пиетет перед профессией. Ничего не сказали даже тогда, когда он вместе со всеми не встал на намаз ни вечером, ни утром. В камере было тесно, потому намаз совершали как придется – кто-то совершал намаз, стоя на одной ноге. Говорят, так тоже можно.

На следующий день Аслан ждал продолжения допроса, но

его не последовало. Пришел конвоир, сказал собираться.

Вещей у него не было.

На выходе из изолятора Аслана ждали несколько человек и три машины – знакомая белая «БМВ» Магомеда и два «Лендкрузера».

– Аслан... братуха, как сам? – первым обнялся Магомед – туда-сюда, все дела. – Не сильно прессовали?

– Нет. А это кто?

– Это...

Аслан понизил голос

– Ле, ты за женщину в маршрутке заступился, да?

– Что?! – Аслан не понял, о чем речь, так много всего произошло.

– Ну, чикса покрытая, в маршрутке, вкуривай.

– Это...

– Знаешь, кто она?

Магомед заговорщически понизил голос.

– Она из туххума Гаджимагомедовых, какая-то дальняя родственница. Все рассказала... старшие тебя искали...

Гаджимагомедов. Бывший начальник налоговой, сейчас – крупный застройщик.

– ...По всей Махачкале тебя искали, даже не знали, кто ты. Потом вышли на меня. Сейчас тебя выкупили, поехали, нам стол накроют, ту машалла. Наверное, и работу тебе хорошую дадут, будешь начальником...

Быть начальником в Дагестане – это вершина карьеры, вне

зависимости от того, начальником чего быть. Потому что если ты начальник, то тебе обязаны платить. Где-то больше, как в налоговой. Где-то меньше... как, например в «Скорой». Но везде обязаны платить, такова суть системы.

Системы, с которой Аслан боролся.

И частью которой его сейчас вынуждали стать.

– Я не поеду.

– Да ты че, братан, че за варианты, – Магомед схватил Аслана и потащил к своей «БМВ», – вещи делай, жи есть! Себе не хочешь помочь – мне немного помощи. Даги – сила, да? Кто не с нами – тот под ногами...

За столом сам Гаджимагомедов сказал несколько теплых слов в адрес Аслана, расспросил его о том, как он живет и чем занимается. Ответы ему не то чтобы понравились, но он сделал себе заметку. Парень молодой, английский знает, говорит гладко, правильно, а здесь это редкость. Надо его в политику толкать – поможешь, он потом долг отдаст, обязан будет. Вон, иностранные инвесторы тут приезжают... а мы как дикари какие-то...

Так Аслан, сам того не понимая, сделал первый шаг на пути в политике.

Махачкала, Россия. 4 июня 2017 года

В следующий раз они встретились три недели спустя. Прошло всего три недели – а казалось, что прошло триста лет...

В Москве сменилась власть. Официально это называлось «правительство национального согласия», но на Кавказе, очень тонко чувствующем оттенки, все поняли правильно. Власть сменилась! А в случае с Москвой смена власти означает ослабление.

И для Кавказа это значило только одно – можно!

Можно...

Аслан как раз только вышел из больницы и навестил университет. Он думал, что его исключили, но это было не так. Он взял лекции и самостоятельные занятия – надо было догонять – и выходил из университета, когда резкий, прерывистый знакомый звук заставил его остановиться...

Повернувшись, он увидел Магомеда.

Тот был одет совершенно невообразимым образом – кожаная куртка поверх спортивного костюма, какая-то каскетка. Кроссовки.

– Ле, Аслан! Иди сюда!

Магомед подошел.

– Пацаны, это Аслан. Наш мозг местный, в натуре.

– Хай.

– Салам...

Около машины Магомеда – белой, довольно старой «БМВ» – тусили еще пацаны, и машина такая была не одна.

– Двинули с нами, а? Братан? Прокатимся, движение делаем.

– А куда?

– В аэропорт.

– А что там?

– Он че, систему не хаваает, да? – спросил один из пассажиров

– Глохни... – Магомед посмотрел на Аслана – глаза были веселые, шальные... – ты чего, не чувствуешь?

– А что случилось?

– Дядя выкупился, иншалла. Сегодня из Москвы прилетает. Поехали встречать...

Магомед понизил голос:

– Говорят, дядя деньги будет разбрасывать, от души. Золотые монеты. Поймаешь – на удачу. Я точно знаю, в аэропорт монеты повезли...

Дядя Магомеда был очень непростым человеком.

Несколько лет назад, будучи одним из самых авторитетных людей в республике, он был арестован за коррупцию. Говорили – и не только говорили, – что там было много чего еще: и финансирование бандформирований, и причастность к заказным убийствам – но вменяли ему только хищения. Арестовывали его эффектно – в центре Махачкалы сел во-

енный вертолет, и его вывезли на вертолете в Ростов, а потом – в Москву. С тех пор в республике стали пугать вертолетами. Помимо прочего это говорило, что власть контролирует обстановку на Кавказе лишь номинально. О чем можно говорить, если в центре в общем-то мирного субъекта Российской Федерации надо сажать вертолет, чтобы вывезти преступника.

Вопреки ожиданиям социального взрыва в республике не случилось. Дядя сидел в Лефортово, дело против него шло ни шатко ни валко. Большая часть его развалилась, но он все-таки получил девять лет, причем не условно. И уехал в места не столь отдаленные. По республике ходили слухи, что дядя живет в отдельном доме, который он выстроил прямо на зоне, а начальник колонии ходит к нему с докладом. Но особо в республике его никто не ждал. И вот – совершенно неожиданно сменилась власть, и дело дяди с рекордной для российского правосудия скоростью было извлечено из архивов, отправлено на пересмотр и пересмотрено. Дядю освободили, и он возвращался домой.

Рейсом из Москвы...

И судя по всему, встречать его планировала вся республика. Или, по крайней мере, вся Махачкала.

Подождали еще несколько человек, потом двинулись в аэропорт. По пути к ним присоединялись все новые и новые машины, потом они слились в одну большую колонну, и вот так, машин пятьсот, они тронулись к аэропорту. Колон-

на шла медленно, занимая все полосы дороги и еще часть встречи. Машины тормозили, ускорялись и снова тормозили, сигналили, кто-то сидел на крышах, кто-то стрелял в воздух. Аслану запомнился американский пикап, в кузове его стоял голый по пояс здоровяк и зачем-то тряс бараном, поднимая его вверх, как будто это трофей. Ритм движения был рваным – но он не падал...

У аэропорта яблоку негде упасть. Машину припарковать тоже негде. Про то, что на летном поле не должно быть посторонних... о чем вы, граждане. Просто подошли к воротам, и офицер охраны открыл их. А попробуй, не открой! Толпа – ее спокойствие видимость, чуть что – в клочки порвет.

Ломанулись на поле.

– Где?

– Там.

– Да не...

– Подожди. Вон дорожку стелят.

– Это Мага стелит, он камень, жи есть.

– Он-то камень. А у тебя и дорожки нет, уважить.

– Зато баран есть.

– Тащи его сюда...

Люди встречались... обнимались... большинство из них принадлежали к аварцам... но были и другие. Агрессии не было, пьяных, как ни странно, тоже. Просто люди были рады, даже незнакомые люди обнимались между собой. Тот факт,

что дядя Магомед в бытность свою чиновником слыл одним из самых жестоких людей в республике, а про его масштабные, миллиардные хищения не знала только рыба в Каспии, – все это было благополучно забыто. Один из них, свой – возвращался домой, он вырвался из лап кяфирского, российского правосудия – и все этому радовались. Хотя по уму все понимали, что, вернувшись, дядя будет и воровать, и лить кровь...

Как объяснить это ликование? Да никак. Сами все понимаете... говорить смысла нет. Он – свой. А русские с их правосудием – чужие. И это главное.

Кто-то от избытка чувств начал стрелять в воздух – но его тут же окружили и отобрали пистолет.

– Вах, ты что делаешь, хайван?

– Как что? Салют. От души.

– Ты что, совсем камень? Самолет еще в воздухе, а если он упадет...

Но по морде не накостыляли на радостях.

– Откуда полетит?

– Оттуда.

– Нет, оттуда... Я эту систему хаваю, жи есть.

Хотя все знали, откуда идет самолет, но все равно спорили...

Потом они слышали шум.

– Летит! – крикнул кто-то.

Кто толкался за место в первых рядах, кто освобождал ме-

сто, чтобы зарезать барана. Баранов привезли столько, что намечался целый бараний геноцид.

Потом из низких туч вывалился самолет, он снижался, заходя на посадку

– Аллах Акбар! – крикнул кто-то.

И словно отвечая на этот призыв – откуда-то с Каспийска, с застройки – взлетели сразу две яркие звездочки и полетели к снижающемуся самолету, оставляя за собой почти невидимый белый дым...

Толпа замерла.

– Ракета! – крикнул кто-то, и толпа ахнула, как один человек.

Ракеты, казалось, летели мимо, но перед самой целью они повернули и застигли самолет. Люди, собравшиеся на встречу, увидели, как обе ракеты поразили один и тот же двигатель на крыле. Первая, казалось, вообще не нанесла вреда, но вот вторая, врезавшаяся с интервалом в несколько секунд в уже горящий двигатель, взорвалась так, что все поняли – самолету конец. Сильная, на полкрыла, вспышка – это взорвалось топливо, текущее из уже поврежденного первым взрывом бака. Потом самолет начал заваливаться набок и падать уже неуправляемо, от него летели какие-то обломки, потом оборвалось и полетело вниз крыло с остатками двигателя. И толпа закричала – громко и страшно, как будто кричит один человек.

Самолет рухнул на поле, так и не дотянув до полосы...

Ни о каком нормальном тушении пожара не могло быть и речи. Люди – целая толпа – на машинах и пешком рванулись к месту падения самолета. Кого-то сбили, кого-то затоптали... всем было плевать. Кто-то ринулся в Каспийск искать ракетчиков... хотя умом можно было понять, что найти вряд ли удастся... Рядом море, и уйти не проблема, даже если перекрыть дорогу и шмонать весь подряд город. Со стоном сирен подъехали пожарные с аэродрома, потом «Скорые»...

Пожар быстро потушили – и пожарные, и подручными средствами. Наверное, это был первый случай в мире, когда подручными средствами потушили упавший самолет... хотя... может быть, дело было лишь в том, что при посадке в баках самолета осталось очень мало топлива. Начали извлекать трупы... их передавали на руках, укладывали в машины... ни о какой полиции, ни о каком нормальном расследовании летного происшествия не могло быть и речи – все затоптали, горячий металл рвали чуть ли не руками. Погибших – без вскрытия, без опознания, без всего – сразу заворачивали во что придется, выбирались, выгрызались из толпы – и везли на кладбище хоронить. Без обмывания, как шахидов. То есть – павших за веру...

Под термином «шахид» обычно подразумевается человек, сражавшийся на пути Аллаха и павший на поле боя. Термин

«шахид» также может относиться к несправедливо убитому мусульманину или даже к мусульманину, умершему в результате серьезной болезни. Степень шахида – это то, чему каждый мусульманин должен завидовать и что каждый из мусульман должен стремиться получить. В хадисах указывается большое количество заслуг, уготованных для шахида, – таких, как прощение всех его грехов (кроме долгов) еще до того, как его кровь коснется земли, возможность увидеть свое местопребывание в раю, спасение от ада, возможность заступиться за 70 приговоренных к аду родственников и ввести их в рай и т. д.

Что касается правил гуся и похорон, шариат различает две категории шахидов:

1) Шахиды дуньяви – люди, убитые и получившие статус шахида в этом мире (без гуся и кафана) и Ахирате.

2) Шахиды ухрави – люди, убитые/умершие и получившие статус шахида только в кабре и Ахирате, но не в этом мире.

Если человек был жестоко убит каким бы то ни было образом (будь то оружием, ножом, огнем и т. д.) и при этом ни одно из следующих мирских благ не затронуло его:

- а) он ничего не пил и не ел,
- б) не прибегал к медицинской помощи,
- в) не был убран с поля сражения,
- г) не оставался жив в течение одного временного периода для намаза, будучи в сознании,

д) после нападения или сражения он не говорил много и не вступал ни в какие из мирских отношений, например торговлю и т. д.,

тогда он будет считаться шахидом в этом мире и в следующем (шахид дуньяви). Следовательно, его не будут омы- вать (совершать гусль) и похоронят в той одежде, в кото- рую он был одет. Все, что не подпадает под категорию ос- новного савана, следует снять. Если на одежде шахида име- ется какая-то наджаса, ее следует смыть.

Если же хотя бы одно из указанных мирских благ затро- нуло его, он не будет считаться шахидом дуньяви, а будет отнесен к категории шахидов ухрави, т. е. он будет омыт, одет в саван и похоронен как обычно (Аль-Фатава аль-Хин- дия).

Тем не менее ему будет дано высокое положение шахидов в Ахирате.

Если человек умер в аварии, утонул или был сожжен без действий со стороны врага, то он будет считаться шахи- дом в Ахирате, но не в этом мире (т. е. он будет шахидом ухрави). Поэтому его омоют (совершат гусль), оденут в са- ван и похоронят как обычно.

Есть много других примеров, когда человек считается шахидом ухрави. Таковыми являются, например, умершие вследствие брюшной болезни, погибшие в аварии, умершие при родах женщины и др. Хотя они будут наслаждаться высоким статусом шахидов в Ахирате, они должны быть

омыты, одеты в саван и похоронены как обычно.

Человек, совершивший самоубийство, не считается шахидом. Он должен быть омыт, одет в саван и похоронен как обычно (Ад-Дурруль Мухтар).

Если шахид дуньяви, умирая, был в состоянии джаноба, ему (ей) нужно совершить гусль.

А Аллах знает лучше.

Уассалам.

Аслан сам не понял, как оказался вне города, в родном районе дяди Магомеда, на маленьком горном кладбище. Просто так получилось, что он держался Магомеда и оказался там...

Суровые мужчины, верхом и пешком, многие с оружием, отнесли погибшего на горное кладбище, где для него уже была вырыта неглубокая могила. Все происходило в каком-то тягостном и страшном молчании... никто не произносил слов соболезнования, никто их не принимал. Люди сами, без слов делали то, что должны, целенаправленно и споро, как муравьи, и все понимали, что будет после этого...

Запомнилась безобразная сцена после погребения... выступал один из близких родственников, местный бизнесмен. Когда он начал говорить о том, что те, кто это сделал, те, кому мешал погибший дядя Магомеда, будут найдены и наказаны, чего бы это ни стоило, к нему подошел другой человек, присутствовавший на похоронах, человек пожилой, лет

за шестьдесят, но крепкий еще, размахнулся – и дал пощечину. Звук пощечины прозвучал в тишине как выстрел...

Повернувшись к родственникам, он начал говорить.

– Люди! Как вы смеете сеять рознь меж собой, когда нас и так мало?! Неужели вы не понимаете, что во всем виноваты русисты! Это из-за русистов льется кровь и гибнут достойные люди! Это из-за русистов род идет на род, народ идет на народ. Куфар и ширк, посеянный русистами, неджес в нашей жизни дает такие плоды, клянусь Аллахом! До тех пор пока вы будете принимать куфар как должное, Аллах будет жестоко наказывать нас, отнимая ваших близких. Вы стоите у могилы и умышляете друг против друга, в то время как должны умышлять против кяфиров. Прогоните кяфиров – и Аллах Всевышний даст вам великую награду. Если нет – то эта смерть не последняя. Аллаху Акбар!

Толпа встретила эти слова тяжелым молчанием...

Потом Аслан почему-то часто вспоминал этот день. Не тот, в который его и других правозащитников избili у следственного изолятора, а этот. Потому что, начиная с этого дня, больше ни одного спокойного дня в республике не было...

Информация к размышлению
Документ подлинный

*Вставай, Кавказ! Кавказ, вставай!
Восстаньте, гордые народы!
Фашизм кацапский покарай
За все безвременные годы!*

*Тюрьму народов разорвём,
Когда пойдём единой лавой,
И кол осиновый вобьём
Кремлю на площади кровавой!*

Автор: Майдан

Махачкала, Россия. Январь 2018 года

*С маленькой драки на посту ГАИ начнется
большая драка большого тухуума и села, а потом и
восстание народа, которому нечего терять, т. к. их
руки уже будут в грязи из-за дактилоскопии...
Автор неизвестен*

Веселый год...

Знаете, свобода полезна не всегда. Свобода – это фетиш, это жупел, а что, если рассмотреть повнимательнее, что за этим скрывается? Где больше всего свободы? Это Сомали, это Афганистан и тому подобные страны, где свободны все и от всего – хочешь, живи, а хочешь, умирай, никому до этого нет никакого дела. Кстати, отклоняясь от темы, там и рождаемость о-го-го, никакой демографической ямы нет, средняя рождаемость по пять, по шесть детей в семье. Так что – равняемся на Сомали? А чего – заодно и демографию улучшим.

Весь современный мир – это несвобода. Законы и правила – подобно костям в теле человека, они жесткие, но благодаря им человек ходит на двух ногах, а не ползает по земле, как червь, у которого костей нет.

Если сравнивать Россию и Запад – то на Западе человек намного менее свободен, чем в России, просто обеспечивается это совсем другими инструментами. В России практически отсутствует принуждение со стороны общества, в то

время как на Западе оно очень велико. На Западе прутьями той клетки, в которой человек пребывает всю свою сознательную жизнь, является общество и его институты. Во многих «цивилизованных» странах мира один человек не может просто продать, а другой купить квартиру – нового собственника должны одобрить остальные жильцы дома. Если ты высказываешь какие-то крамольные взгляды – например, поддерживаешь Россию, тебя уволят с работы, лишат кафедры в университете, с тобой не будут здороваться, ты можешь быть вообще лишен права на профессию. Все это компенсирует отсутствие некоторых мер принуждения, или обеспечения общественного спокойствия, которые есть в России. Кавказ же был вещью в себе. В отличие от России в нем сохранилось то, что на Западе называют «комьюнити» – первичные ячейки общества, в которых люди равнодушны не только к своим делам, но и к делам других членов комьюнити, и общими усилиями обеспечивают выживание не только себя и своей семьи – но и комьюнити в целом. Парадоксально, но Кавказ был намного ближе к демократии западного типа, чем Россия, и это при тотальном доминировании на Кавказе ислама в самых жестких и нетерпимых его формах. Правда, комьюнити живут, опираясь на систему неформальных норм и правил, часто соблюдаемых более жестко, чем требования писаного закона. И если бы какой-нибудь восторженный западный политолог пробыл бы здесь с месяц, да не просто в отеле, а поговорил бы с людьми, не с теми подставными,

кто пытается объясниться на плохом английском, а с настоящими, то от услышанного он пришел бы в ужас. Настолько все это не соответствовало тому каноническому пониманию прав человека, которое сейчас имело место в Европе.

Короче говоря, события тронулись с места. Постепенно, потихоньку – но опытные люди уже угадывали лавину, которая сметет все и вся. В пригородных кварталах вилл в Махачкале, в дорогих новостройках, которых в последние пять лет построили изрядно, был сезон распродаж. Люди продавали жилье со скидкой, только чтобы уехать. Кто покупал? В основном новые хозяева жизни – как и в далекие девяностые, на первый план вышли те, кто ближе к базарным, уличным деньгам. Владельцы сетей заправок, магазинов и мест на рынках, автосервисов. В нулевые они уступили позиции чиновникам, банкирам, но сейчас все возвращалось на свои места...

А так... все еще держалось, хотя и по инерции, но первые симптомчики уже были. Цены на должности – прејскурант был известен всем – сначала поднялись, а потом резко упали. Некоторые менты, которые понимали, что прощения им не будет вне зависимости от того, к какому роду они принадлежат, уезжали из республики. Те, кто вынужден был скрываться, теперь разъезжали по улицам, ничего не боялись. Менты – те, кто остался – просекли ситуацию и работали теперь «и нашим и вашим». Все понимали, что федеральный центр слаб, и гадали, сколько это продлится. Радо-

вались? Нет, не радовались. Все помнили судьбу соседней Чечни – федеральный центр тоже был слаб, когда решился на силовую акцию. Но – довел дело до конца. Треть взрослого мужского населения Чечни погибла или вынуждена была уехать. Конечно, хорошо сидеть и слушать песни Тимура Муцураева о джихаде. Гораздо хуже – делать это на развалинах собственного дома, разбитого федеральной артиллерией. Все понимали, что если начнется, то будет хуже, чем в Чечне. В Чечне, по крайней мере, был один народ. А тут только основных больше десятка. И счеты друг к другу едва ли не весомее, чем к центру.

Аслан Дибиров был уже не просто студентом. Его – совершенно неожиданно даже для него самого – взяли чиновником (в Дагестане козырное место вне зависимости от должности). Должность называлась Уполномоченный Общественной комиссии по контролю за правоохранительными органами. Такие появились теперь во всех субъектах Российской Федерации – судя по всему, начинался очередной этап публичного покаяния и непубличного перераспределения.

Что в это время будет с остальной страной, перераспределителей не волновало: дербан интереснее...

Он занимался тем же, чем и ранее, правозащитой, только на сей раз – уже за зарплату. И если остальные «правозащитники» моментально просекли ситуацию и стали своего рода посредниками между заинтересованными лицами и взяточполучателями в полиции, то он искренне пытался выполнять

свои обязанности. Это заметили – и в полиции тоже. В конце концов там тоже работают люди, и они живут в обществе, а не вне его. Потому в полиции ему больше доверяли, чем остальным, и нередко делились с ним тем, чем с другим бы не поделились...

Правозащитники – честные правозащитники – довольно быстро нашли себе место в полицейской структуре. Дело в том, что Дагестан – это страна родов, народов и кланов. И если, к примеру, преступник из одного клана, а милиционер из другого или два народа мелятся между собой – то в России это просто преступление, а тут это основание для кровной мести, а то и восстания. И в этом случае правозащитники, как авторитетные люди, которым доверяли все, могли очень эффективно сгладить острые углы, будучи свидетелями того, что происходило, и потом подтверждая, все ли было сделано честно и правильно или нет. Собственно, в этом не было ничего нового, только хорошо забытое старое: в России еще в восемнадцатом веке существовал институт «гласных» – выбираемых от общества уважаемых его членов, которые работали вместе с полицией и своими подписями подтверждали многие юридически значимые документы в уголовном судопроизводстве. По-хорошему, институт гласных следовало бы ввести и в Дагестане, выбрать на роль гласных авторитетных людей, стариков, глав родов, проявить к ним уважение, положить зарплату... много денег не надо, а те же потерявшие берега хулиганы сильно притихнут, что перед ними не ненави-

димый всеми мент, а уважаемый аксакал, старик, который за беспредел и палкой по голове дать может, и попробуй только что в ответ сделай. Или мулла, который может вынести твоё поведение на рассмотрение шариатского суда, сообщить семье. Но, увы... ввели их только сейчас, когда было поздно...

И тем не менее они пытались...

Поступило сообщение о массовой драке у заправки – и они выехали двумя экипажами. Два «УАЗа» быстро проскочили на окраину города, там, около «объездной», был выстроен большой заправочный комплекс. По разрешению на строительство заправки построили ещё и гостиницу, и ремонтную зону.

И понятно, что такой лакомый кусок не мог не стать ареной противостояния...

Когда менты подъехали, драка шла уже во весь рост. С обеих сторон было по пятьдесят-семьдесят человек, для Дагестана вполне обычное дело – махач. Это в России матери наказывают детей за то, что те дерутся, тут драться – это норма. Конечно же, были и политические плакаты, потому что в Дагестане политика везде и во всем, но когда они подъехали, был только один, на котором было написано: «Мусульмане Дагестана устали терпеть!» Но и он упал вместе с его носителем у них на глазах и сгинул под ногами жестоко дерущихся людей...

А так... драка как драка... если смотреть со стороны, то дерущиеся чем-то напоминают муравьев...

Один из милиционеров достал автомат, дал очередь в воздух. В ответку едва слышно хлопнула снайперка, осело колесо у одного из полицейских «Патриотов» – и полицейские, ругаясь, стали прятаться за машины.

– Ложись! Снайпер!

Аслан не стал прятаться.

– Ложись, тебе говорят!

Аслан посмотрел вдаль, на трассу. Там стоял белый «Порш Кайенн» и еще один джип. В «Порш Каенне» на крыше, свесив ноги в люк, сидел человек с длинной снайперской винтовкой. И этот человек был Аслану знаком.

И он увидел Аслана, потому что помахал ему свободной, левой рукой...

Дерущиеся уже разбегались к машинам, оставляя за собой битые окна, искореженные машины, которым не повезло находиться на заправке в это время, да валяющихся на асфальте не способных подняться молодых парней...

Стрелка была на Дахадаева...

Это была улица, построенная уже после 1991 года, застроена она была разноэтажными (в основном трех), потрясающими по безвкусице домами. Никакого единого архитектурного плана не было, каждый строил что хотел, здесь были реализованы самые дикие фантазии местного бизнеса на тему «что такое красиво». Кто-то возводил что-то вроде сталинской архитектуры, кто-то – зеленые купола, по виду похожие на купола мечети, кто-то красил в желтое, кто-то –

в кирпичное с белым, кто-то облицовывал постройку ослепительно-яркими стеклопанелями. Висели объявления – телефоны, продажа, аренда. Тут же – реклама хаджа, тут же – реклама стройматериалов, причем на дагестанский манер многие слова были произвольно сокращены, кирп. – означало кирпич, а вот для того, чтобы понять слово ц-т, надо было быть застройщиком. Видимо, цемент. Над всем над этим была большая вывеска, гласившая:

Luksuri village.

На местной помеси английского и аварского это означало «люксовая деревня».

Но и тут на одном из домов кто-то баллончиком написал:

Смерть врагам ислама аллагъу Акбар

Тому, что имя Всевышнего написали с маленькой буквы, можно было не удивляться. Здесь вообще ничему не удивляешься.

Обе стороны разборки уже были тут, с обеих сторон, друг напротив друга, стояли джипы, по меркам России, небогатые, но по местным – крутые. Улица была перекрыта полностью, между джипами поставили стол, шли переговоры. С той стороны, откуда подъехала машина Магомеда, около нее стояли еще машины. Они надрывались фольклором и мусульманским рэпом, человек в дешевых китайских пляжных тапках лузгал семки, положив автомат на крышу машины, остальные прищелкивали пальцами в такт музыке.

– Э, тормози, да? – остановили они Аслана. – Ты кто, в

натуре?

– Я друг Магомеда. Надо поговорить.

– Не видишь, Магомед занят, с людьми разговаривает...

Бандиты пригляделись к нему, один подошел вплотную.

– Чо-то ты не похож на друга Магомеда...дохлый такой.

На качалку не бывает?

Аслан посмотрел в глаза бандита, потом повернулся и пошел прочь.

Ему все-таки удалось выцепить своего старого друга – он увидел Магомеда в том же самом клубе «Двадцать шесть» несколько дней спустя. Надо сказать, что Магомед поднялся. На Кавказе статус определяется по машине, и если раньше Магомед ездил на подержанной «БМВ» – «пятерке», то теперь у него был белый «Порш Кайен». Тоже подержанный – но это уже уровень как минимум бригадира...

Магомед сидел с какими-то людьми... с телками... надо сказать, что дагестанская молодежь была религиозна в основном на словах, а на деле же даже ваххабитские главари постоянно таскали в лес «невест», пускали их по кругу. А девицы, те, которые постят в джихадистских форумах, не раз прокалывались на том, что выезжали в страны Персидского залива заниматься проституцией. Легальные, что примечательно, муллы, духовные авторитеты разъясняли молодежи, той самой, что после второго раката прямо посреди намаза

встает и уходит⁶, что никаях⁷ – это помолвка с обязательным участием родителей, а не тайная и поспешная случка в лесу, на подстеленной куртке или в машине. Молодежь ничего не слушала. Она верила, что сможет сделать жизнь лучше и чище. Брала из ислама только то, что ее устраивало. Не слушала старших. И знала, что главное – это борьба...

Непрекращающаяся...

Итак, Магомед сидел с джамаатом и с телками, и похоже было, что они уже пили харам, и телки смеялись, и понятно было, что дамы эти – поведения нетяжелого и против не будут. И все было ништяк, но Аслан подошел к столу и сказал:

– Магомед, нам надо поговорить.

Магомед повернулся, хлопнул в ладоши:

– Братва, это Аслан! Самый честный человек в Махачкале. Он в жизни взяток не брал, клянусь Аллахом. И самый храбрый. Он с ментами был, я по ним из винтовки шмалял, менты попрятались, а он как стоял, так и стоит, за родные слова отвечаю...

– Да гонево, – усомнился еще один. У него было вытянутое, лошадиное лицо и короткая бородка без усов, которая его только портила, делая еще длиннее.

– Клянусь Аллахом! Ты что, в моей клятве сомневаешься?

⁶ Ваххабиты. Познавательню наблюдать, как в мечетях старики продолжают молиться, а вся молодежь встает и уходит.

⁷ Сейчас на Кавказе термином «никаях» обозначается «временный брак» с моджахедом, который заключается посредством произнесения нескольких слов, чтобы «избежать греха».

– Да нет, брат...

– Пусть сядет за стол, кишканет! – сказал еще один. – У него, наверное, и денег особо тоже нету, раз такой честный.

– Пусть в Ахач-аул⁸ валит... – не согласился другой.

– Эй, Мага, своим ротом нормально говори, да? – вдру-
сухо сказал Магомед. – С гор спустился, так научись себя
вести! Рога выключи!

– Не обессудь, Магомед, в мыслях не было... – сказал
струхнувший парень.

– Надо поговорить

Магомед показал на стул.

– Садись. Ешь. Говори. Это мои братья, у меня от них сек-
ретов нет.

Аслан сел на стул, ему налили и пододвинули тарелку с
мясным, но он не обратил на нее внимания.

– Что это было, Магомед?

– Ты о чем?

– Я о заправке. Зачем это? Ты знаешь, что там один парень
в больнице умер?

– А, ты за те движения. Это ногайские на нас выскочили,
рамсят не по делу. Ништяк, мы их конкретно выстегнули⁹...

– Я не про старших, Магомед. Я про тебя.

⁸ Ахач-аул – одно из типично дагестанских выражений. Означает «пропасть», но применяется в самых разнообразных выражениях. Например, в ахач-аул его – означает «вон отсюда», «в бан» в различных ситуациях.

⁹ Избили, в более широком понимании – победили.

– Ты о чем? Не волоку чо-то.

– Помнишь, мы с тобой неоднократно говорили об этом? Говорили о справедливости. О том, как хорошо будет без Русни и навязанных ею правил. О том, как наши народы будут жить по шариату Аллаха и заповедям предков. О том, как закон впервые не будет ломать нас, потому что мы сами напишем его. А теперь – что?

– Че? – не понял Магомед.

– Что ты делал на заправке? Что вы все делали на заправке? Где там закон? И только не говори мне про шариат! Зайди в больницу, посмотри на лежащих там пацанов. Поговори с матерью, которая потеряла сына из-за этой заправки!

– Про шариат не надо, э! – вскинулся один парень.

– Тише, Гарик, тише. Ты что хочешь сказать, Аслан?

– Впервые, может быть, за несколько сотен лет у нас есть возможность стать самостоятельным государством. Самостоятельным цивилизованным государством, которое уважают в мире. Государством, которое покажет путь к свободе всему остальному Кавказу, а может быть, и не только Кавказу. И что ты делаешь? Что делаете вы все? Вы разъезжаете по городу с палками, со стволами, с канистрами бензина. Это и есть то, к чему ты стремился?

Девицы, почувствовав неладное, кто отодвинулся от своих кавалеров, кто и вовсе собралась и тихо испарилась.

– А ты к чему стремился, друг? – спросил Магомед.

– Мы стремились к свободе. Только мы понимаем ее по-

разному. Ты понимаешь свободу как свободу носить ствол. Я понимаю свободу как свободу говорить, что думаю.

– Так говори. Кто тебе здесь мешает.

– В морду не дадим, э... – хохотнул кто-то.

– Послушай сюда, Аслан, – Магомед смотрел ему в глаза, и в них не было ни капли алкогольного дурмана, только простая и ясная сила. – Я, как и ты, в Европе был. Хаваю я всю эту систему. Это хорошо, что мы отложимся от Русни. Пусть все деньги в республике остаются. Каспий наш, там нефть есть, газ есть, все деньги Русня забирала, а сейчас по-другому все будет, отвечаю. Только что – ты думаешь, что здесь кто-то хочет, чтобы было как в Европе? Так, да?

...

– Так вот, я эту Европу... Здесь не надо Европы, и никогда не будет Европы. Там – тормоза все, русисты, и то сильнее их. Я там был... как-то раз в отеле приглянулась марчела одна. Четкая бомбита, типа, рядом с ней какой-то камень сидел. И знаешь, что я сделал? Я вытянул ее подергаться, она пошла. Потом с танцплощадки я ее в номер свой вытянул и все дыры ее драл, так, да. Аллахом клянусь, не вру. Спускаюсь вниз – а этот тормоз так и сидит, мышуется. Ты хочешь, чтобы и у нас так было, да?

– Ты не понимаешь, о чем ты говоришь.

– Нет, друг, отлично понимаю. Если у них на кармане много – это еще не значит, что мы должны быть похожи на них. Много – придем и отнимем. Посмотри – на Ближнем Восто-

ке тоже бабла много, но там Русни рядом нет, потому и мужчин нет, все как бабы какие-то, астагфируллагъ, несмотря на то, что все мусульмане. И тупые, отец на хадж ездил, приехал, говорит, там все тупые, только денег много. А у нас здесь – нефти много, газа много, но главное – мужчин много. Нефть может кончиться, газ кончится, но храбрые люди в нашем народе не кончатся никогда. В этом и наша сила. Джихад должны возглавить самые достойные и сильные. Мы и будем главные по движению, жи есть. А Европу мы... на бану вертели.

Аслан смотрел на своего друга... может, уже бывшего друга, и понимал, что сказать ему нечего. Просто нечего.

– Я тебя знаю, Аслан, ты хочешь добра республике и народу. Такие тоже нужны, как мы победим, надо будет министра иностранных дел нам. Ты языки знаешь... даст Аллах, ты и будешь. Но такими, как в Европе, мы не будем. Аллахом клянусь, этого не будет...

Аслан встал.

– Не теряйся, – крикнул ему Магомед, – если что, на созвоне...

Когда Аслан вышел из клуба – один из сидевших за столом недовольно сказал, обращаясь к Магомеду:

– Ле, Магомед, брат, ты зачем этого аташку¹⁰ нам за стол посадил?

¹⁰ Наркомана.

– Тебя че, не устраивает?

...

– Тогда вышел и потерялся, да?!

Выйдя из клуба, Аслан пошел к своей машине – и тут его скрутило. Он едва успел отбежать в сторону – и его начало рвать. Рвать мучительно, одной желчью и какой-то слизью. Он долго стоял, держась за стену, чтобы не упасть, потом вдруг осознал смысл надписи, которую кто-то на ней оставил. Это была не случайная надпись маркером или баллончиком, набита она была вполне профессионально.

Дагестан, словом и делом защищай религию Аллаха!

И ниже:

Аллаху акбар!

Ничего не меняется. Ни-че-го.

Бессмысленно.

Через месяц Аслан стал заместителем министра юстиции Дагестана – одним из самых молодых в истории ведомства.

Первым к нему пришел Магомед, принес в пакете денег и попросил зарегистрировать на него какие-то земли в районе. Аслан отпихнул от себя пакет и сказал убираться из кабинета и больше не приходить.

Через месяц он узнал, что земли все-таки зарегистрированы.

Уроки демократии. Махачкала, Россия. 11 апреля 2018 года

*Демократия – это широкие, равные,
защищённые, взаимообязывающие консультации...
Чарльз Тили, Демократия*

Этот день был вторым, который Аслан Ахатович Дибиров запомнил как день на пути к катастрофе...

Это был день, в который в Махачкалу впервые прилетел специальный комиссар ЕС Альваро Беннетт.

На пути к этому дню произошло очень многое...

Во-первых, в полной мере проявилась ошибочность решения о введении в республике поста президента. Потому что на Кавказе, если спросить кого-то из взрослых мужчин на улице, кто, по его мнению, способен и достоин быть президентом, абсолютное большинство ответит – я. То есть любой глава государства одновременно становился и ответственным за все, и врагом всему взрослому мужскому населению, которое вполне искренне считало, что он занимает не свой пост. Пока была Москва, считалось, что главные тут русские и от президента все равно ничего не зависит. Но как только Москвы по факту не стало и пост президента приобрел совершенно иной вес – разборки за него начались заново. Разборки шли за ключевые министерства, за дагестанский гос-

совет, за все.

Активизировались ваххабиты. Они и ранее доставляли много неприятностей, но до этого они не вступали в открытый конфликт с обществом, ограничиваясь отдельными вылазками – мишенями их становились точки, где торговали спиртным, всевозможные целители, которых называли колдунами, и массажные салоны, работницы которых обвинялись в проституции вне зависимости, так это было или нет. Сейчас же подполье провело сразу несколько резонансных акций, о каждой из которых в республике говорили неделями. Например, объявили, что все женщины должны покрыться, а тех, кто это не сделает, ожидает смерть или мучения. И в самом деле – двоих девчонок застрелили, прямо из проезжающей машины, еще кому-то порезали лицо. Народная молва разнесла это все по городу, увеличив в десятки раз. С прилавков смели все хиджабы.

Потом убили Фатиму Закуеву, не только известную певицу, но и дочь известного и богатого человека. Ворвались в квартиру, перед смертью ее пытали – резали лицо, грудь. Все это сняли на видео и выложили в Сеть, обвинив мертвую девушку в том, что она «разносила джахилию¹¹». Никогда до этого бандподполье не осмеливалось так нагло бросать вызов элитам. Все понимали, что человек, беден он или богат, пользуется поддержкой своего народа, и тот, кто сделает подобное, потом будет оглядываться всю жизнь, и рано или

¹¹ Неверие.

поздно кровники все равно придут за ним. Но – сделали.

Потом обстреляли из гранатомета парикмахерскую и объявили, что любой парикмахер достоин смерти, потому что бреет бороды. Потом начали обстреливать ночные полицейские патрули – использовались снайперские винтовки с глушителями и оптическими прицелами. И если раньше снайперы были бы локализованы и уничтожены рано или поздно, то сейчас по ночам ни один мент в Махачкале не рисковал высунуться на улицу.

Продолжались разборки. Приватизация в республике была проведена из рук вон плохо, в дальнейшем многое имущество тоже не было узаконено. Процветали самостройи. Из-за этого значительная часть имущества вообще нигде не числилась или числилась на посторонних людях, а все вопросы по нему решали по шариатскому, а не по российскому праву. Сейчас же российское право окончательно уступило место шариату, вот только за право выносить решения по шариату боролся легальный ДУМ¹², шейхи и всякие религиозные авторитеты, учителя, которые не признавали святости друг друга, и ваххабиты, которые не признавали ни ДУМ, ни шейхов. Многие стали организовывать советы старейшин, которые действовали и ранее, но под видом третейских судов. Только сейчас судить они судили по шариату, который и сами плохо понимали.

Шли какие-то левые переговоры, было такое понимание,

¹² Духовное управление мусульман.

что Россия сама тяготеет к Кавказом... или денег нет, может быть. Денег из Москвы и в самом деле приходило все меньше – но дело было уже не в деньгах. Не было уверенности. Уверенности в том, что завтра все будет, как вчера. От этой неуверенности кто-то покупал билет до Москвы, кто-то до Абу-Даби или Дохи, кто-то начинал работать на две стороны, а кто-то просто покупал на базаре автомат.

На фоне непрекращающейся говорильни страна стремительно катилась к развалу и все больше приходили к мысли, что выгрести надо самим.

Без Москвы.

В это время из Брюсселя прилетел Беннетт...

Дибиров узнал, что прилетает Беннетт, лишь когда к нему в кабинет – он только попил кофе – сунулся встрепанный министр юстиции.

– Ты здесь?

– Да, Ибрагим Асланович...

– Быстро, давай наверх...

– Я...

– Давай быстро, нет времени на переодеться...

В кабинете была включена видео-конференц-связь. Министр – зачем-то одевший дорогую кожаную куртку – показал на чемоданчик.

– Это понесешь.

Дибиров взял чемодан, не понимая, что происходит.

На экране появился кабинет президента, Дибиров видел его один раз в жизни – когда его и других правозащитников назначали на должность. Министр юстиции дождался своего времени, коротко, почтительно отрапортовал...

Аслан смотрел на своего начальника... он был лакец, а президент – аварец, и Ибрагим Асланович нередко очень остро отзывался о нем. Но сейчас... сплошная почтительность и медоточивая любезность. А ведь это был не чиновник – министр юстиции был назначен год назад, он до этого работал в Москве в юридической фирме, чиновником не был совсем. Откуда это в нем? Это уже было или появилось после того, как он занял пост? Это он один такой – или все такие? И откуда тогда брать кадры, если за год человек так научился лицемерить?

– Поехали, быстро...

С небольшой охраной они сбежали вниз, сопровождавший водитель полицейского «Форда» включил мигалку. Спотохи высветили улицу.

– Приезжает Беннетт, – сказал министр, когда машина уже двигалась, – с Евросоюза. Держись впереди, нужен кто-то, кто знает английский. Поздороваешься с ним...

Аслан кивнул, погруженный в мысли.

– Ты его знаешь?

– Кого?

– Беннетта?

– Нет... не встречались.

На лице министра отразилось разочарование.

– Но, может быть, там знакомые люди будут...

– Да? Тогда посмотри.

– Обязательно, Ибрагим Асланович.

– Нам очень деньги нужны...

...

– Как думаешь, ему подарок надо или он деньгами возьмет?

– То есть?

– Еврей этот... ну, европеец, я их евреями зову. Посмотри в чемодане.

Аслан открыл чемодан – там были пачки наличных.

– Там Папа дал команду «шестисотый» еще в аэропорт пригнать...

– Ибрагим Асланович, если предложить взятку, они сразу улетят.

– Сказал тоже – взятку. Уважение, понимаешь? Уважение.

Аслан снова с тоской подумал: ничего не меняется. Ни-че-го.

Еврокомиссар по иностранным делам Альваро Беннетт – потом он станет спецпредставителем ЕС по Кавказу именно из-за того, что один раз тут побывал, – прибывал в аэропорт Махачкалы на рейсовом «Боинге» через Стамбул. Возможно, они привыкли так делать, даже наверняка привыкли – в ЕС не поощряются излишние траты, и там нет парка адми-

нистративных самолетов, но в Дагестане это никого не впечатлило. Скорее наоборот – поставило их ниже русских. Русские никогда бы не опустили до того, чтобы лететь рейсовым самолетом, у них даже у крупнейших государственных и полугосударственных компаний был свой авиапарк...

Когда самолет остановился и подогнули трап, оркестр, специально привезенный в аэропорт, грянул «Оду к радости» Людвиг ван Бетховена – официальный гимн ЕС. Слегка ошалевшие, начали выходить пассажиры – высокопоставленные бюрократы из ЕС не стали выходить первыми, и, таким образом, произошел конфуз...

Наконец появились и «европейцы», первым был Беннетт... испано-британец, он родился в смешанной семье, отец был британским военным, переселившимся на старости лет на испанское побережье, мать – типичной испанкой, дочерью рыбака. Сам Беннетт больше походил на американца – стройный, несмотря на возраст, с легкой походкой, шикарнейшей шевелюрой с благородной проседью...

– Welcome to Dagestan, – сказал президент республики, немилосердно коверкая английский язык. Горцу, у которого к тому же поставлен русский язык, очень непросто чисто говорить по-английски.

– Thanks.

К одному из джипов охраны тащили большого черного барана. Его в последний момент удалось спасти Аслану – каким-то чудом ему удалось объяснить, что резать барана

прямо в аэропорту в честь гостя из Европы не годится, там другие традиции и очень сильны защитники прав животных. Непонятно было, что сделают с бараном дальше – наверное, охранники заберут себе и все равно зарежут – баран-то уже оплачен.

Аслан стоял впереди, и потому он прекрасно видел выходящих из самолета гостей. Заметив светлые волосы, выбивающиеся из-под косынки, он прищурился... солнце било в лицо.

Да... это она. Это Лайма...

Европа...

Было какое-то всеобщее помешательство в самой идее «Европы», «жить как в Европе». В Европу стремились точно так же, как сотни лет до этого народы стремились попасть в состав России – чтобы обрести, наконец, мир и защиту. По сути, сама Россия возникла именно как военный союз племен, созданный в целях коллективной обороны от набегов со стороны Великой Степи. Затем понятие «великая степь» менялось, грузины, например, добровольно вступили в состав России, опасаясь полного уничтожения себя как христианской нации со стороны мусульманской Турции. Но суть оставалась неизменной – вступление в Россию означало долгожданный мир. Точно так же сейчас, в двадцать первом веке, народы добровольно стремились вступить в состав Европы и НАТО – ради безопасности и ра-

ди развития. Сначала вступали страны бывшего соцлагеря, потом – страны бывшего СССР, а теперь наступала очередь частей России. Реализовывалась давняя мечта заокеанских и островных стратегов – поглотить Россию Европой по частям.

В Дагестане удочки уже закидывались – в Махачкале открыли представительство грузино-европейского фонда «Кавказ», официально они занимались «консультационной поддержкой», как они говорили, «молодого дагестанского общества, находящегося в процессе демократического транзита». По факту – они собирали информацию, а выдавали в качестве какого-то полезного продукта – презентации и графики во множестве.

Правда, был один нюанс. Ма-а-аленький такой. Еще год назад эти презентации, диаграммы и графики можно было отправить в Москву или в полпредство президента в СКФО и, возможно, получить за них вполне реальные деньги в виде прямых трансфертов из федерального бюджета или кредитов из государственных и полугосударственных банков. А теперь всеми этими презентациями можно было только подтереться.

А большие грузины ничем помочь не могли...

На самом деле решение вступить в ЕС для многих стран было стратегической ошибкой, все равно что пойти за миражом в пустыне, но мало кто это понимал – особенно из молодежи. Почему это было ошибкой и остается ошибкой

сейчас? Давайте разберемся. Для того чтобы верно понимать все плюсы и минусы ЕС, надо понимать, что ЕС представляет собой, что это такое.

Разница между вступлением в ЕС и вступлением в Россию (и сейчас и два века назад) очень существенна. Вступая в ЕС, страна не теряет суверенитет, она остается тем же, чем была, просто она реализует обязательства привести свое законодательство, свои производственные и социальные стандарты к некоему обязательному уровню, кроме того, она должна платить какие-то налоги в бюджет ЕС, а взамен получает право претендовать на некие целевые транши из бюджета ЕС. Например, на развитие дорог, или на закупку новых автобусов, или на развитие сельского хозяйства, или на развитие туризма. Совершенно необязательно, что вступление в ЕС будет сопровождаться переходом на единую валюту – евро, там отдельная процедура и отдельные требования. Более того, требования для вступления в ЕС можно выполнить реально, а можно и формально – как в случае с Грецией. Понятно, что формальное выполнение требований ничего не даст.

Вступление в ЕС не обеспечивает и безопасности, ни внутренней, ни внешней. У ЕС нет собственной армии, для обеспечения безопасности надо вступать в НАТО. Это тоже отдельная процедура, и у нее свои минусы и плюсы. Не про НАТО речь.

Важно то, что вступление в ЕС – это не панацея, как

многие считают. У ЕС нет никаких рычагов, например, чтобы бороться с коррупцией. И потому украинцы, которые искренне хотят в ЕС, чтобы найти хоть какую-то управу на беспредельных и коррумпированных чиновников, будут неприятно удивлены этим – ЕС не будет бороться с коррупцией у них. Все, что может ЕС, – не дать денег, если есть обоснованное предположение, что деньги будут разворованы. И всё. Справляться с коррупцией должно само гражданское общество страны – претендентки на вступление в ЕС. Если же общество слабо, а коррупция укоренилась настолько, что является неотъемлемой частью политической системы, то ЕС ничего не сможет с этим поделать. Не сможет он ничего сделать и в случае, если страна оккупирована олигархами или главами местных этнических общин, имеющих силовую поддержку в виде ЧОПов, отрядов самообороны, национальных гвардий, территориальных батальонов и тому подобных структур. И если кто-то в стране говорит: «Долги отдают только трусы», ЕС тоже ничего не может с этим поделать, у ЕС нет силового ресурса. Само общество должно найти какой-то путь, чтобы справиться с этим.

А если не справится, то будет вот что. Все минусы ЕС – в виде открытых границ и свободной товарной конкуренции (что автоматически приведет к удушению слабых местных производителей) – будут в наличии. А всех плюсов – в виде законности, порядка, безопасности, выделения значительных сумм из общего бюджета ЕС – не будет.

В этом суть разочарования и евроскептицизма таких стран, как Болгария и Румыния. Они оказались недостаточно сильными, чтобы справиться с проблемами, а ЕС не может им в этом помочь. И, как сказал болгарский эксперт доктор Петер Зачев, Болгария сегодня получает из бюджета ЕС примерно третью часть от того, что она могла бы получать, если бы...

И еще. ЕС может дать денег такой стране, как Польша или Литва, на развитие сельского хозяйства или какого-то туристического проекта. Но ЕС никогда не даст денег на постройку нового завода по производству чего угодно – от мобильных телефонов и до пассажирских самолетов...

С Россией – дело совсем другое.

Вступая в Россию, страна юридически теряет суверенитет, хотя она может существовать в составе России как некая общность, сохраняя свой народ, свою культуру, свой язык, свою религию. Россия не требует от всех своих граждан становиться русскими. Русский язык – да, он доминирует, но только как удобное средство межнационального общения, точно так же как в мире доминирует английский язык, и это никого не задает.

Вступление в Россию – или нахождение в составе России – на самом деле дает намного больше, чем пребывание в ЕС. Вступившая страна немедленно и автоматически получает полные гарантии безопасности – включая гарантию первым по мощи ядерным арсеналом. Нападение становится невоз-

возможным. Страна сразу же получает единую валюту и подключается к единой экономике. Более того – федеральный центр целенаправленно развивает окраины страны, включая строительство самых современных производств. Так, если брать СССР (как предыдущий общий дом) – в Узбекистане было налажено производство транспортных самолетов (сейчас ТАПОИЧ производит дверные замки), в Грузии было производство самолетов и автомобилей, в Армении – автомобилей, в Азербайджане – мощный нефтехимический кластер, в Украине – производство самолетов, грузовых и легковых автомобилей, ракет, мощнейшая металлургия. Страны Варшавского договора в СССР не входили и суверенитет не теряли, но СССР целенаправленно обеспечивал эти страны неким «промышленным минимумом», в который входили национальные: металлургия, производство легковых, грузовых машин, подвижного состава, летательных аппаратов. Был и некий научно-образовательный минимум – так, в каждой республике СССР и в каждой стране ОВД существовали Академия наук, отраслевые институты, бесплатное среднее и высшее образование – высокий стандарт даже по современным меркам. СССР задавал уровень и обеспечивал развитие, иногда напрямую передавая технологии (в Польшу, например, передали конструкцию автомобилей «Победа», вертолетов «Ми-2», самолетов «Ан-38», в Болгарии выпускали грузовики «ГАЗ»), иногда обеспечивая спрос (автобусы «Икарус», трамваи «Татра» во всех советских

городах). ЕС даже близко не может обеспечить такой уровень развития вступающих в него государств – каждый выплывает сам по себе.

Россия обеспечивает и некие единые стандарты законности. Как обеспечивал их СССР. Много говорят про коррупционность... да, но при СССР коррупционеры реально арестовывались и судились (знаменитое «хлопковое дело»), и в России происходит то же самое (вывоз арестованного мэра Махачкалы с городской площади вертолетом). Да, есть проблема коррупции. Но если ты находишься в составе России – есть надежда на ее решение... точнее, на помощь в ее решении. Если в составе ЕС – надежды нет. Если не верите, спросите в Греции, вступившей в ЕС в числе первых, что такое «факелаки» и «миса». Факелаки – это конвертик с мздой, который надо иметь везде, от визита к врачу до суда, а миса – это такая мзда, которая в конвертик уже не помещается. Пребывание Греции в составе ЕС привело к полному исчезновению греческой промышленности, к превращению Греции в проходной двор для мигрантов с Ближнего Востока и из Африки и к национальной финансовой катастрофе – но не искоренило ни факелаки, ни мису.

Почему в таком случае молодежь Украины готова драться на площадях и погибать под пулями снайперов, только чтобы попасть в ЕС, а не в Россию? Частично – это следствие унаследованного еще со времен СССР идеализма, готовности идти за какой-то мечтой, не беря себе труд

проанализировать ситуацию и хорошо подумать. Частично – это следствие инфантилизма и полной девальвации понятия «труд» – современная молодежь не хочет трудиться, она хочет, чтобы ей «допомогли» (тот же ЕС), сделали дороги, и полагает, что изменения могут проходить очень быстро и без издержек – это поколение, никогда не знавшее ни войн, ни бедствий. Частично это результат пропаганды ЕС и плохого пиара России – о последнем автор, например, лично говорил с американцем, который был твердо уверен в том, что Россия... голодает. А те, кто говорят о полномасштабной и разъедающей все коррупции в России, наверное, никогда не были в США, не знакомы с понятием «лоббизм» и не знают изнутри всего цинизма и безумия распределения денег федерального бюджета, которое происходит каждый год. Частично такая вера в ЕС обусловлена наивной верой в то, что ЕС поможет как-то обуздать собственные, потерявшие берега элиты – тут уже ошибка России, она из раза в раз поддерживает «законное правительство», даже если это правительство проворовалось и пустило страну по ветру – мы не умеем и не хотим учиться работать с оппозицией ни у себя в стране, ни в других странах. Наконец... яростными сторонниками ЕС обычно становятся те, кто либо учились в ЕС, либо ездили туда туристами. Такой тонкий момент... в ЕС есть целая индустрия дешевого существования и передвижения, рассчитанная на молодежь и студентов. Супердешевые билеты на самолет. Обилие де-

шевого и супердешевого жилья – койка в хостеле может стоить десять евро за ночь, а так – путешествовать и ночевать можно вообще бесплатно, путешествуя автостопом, а ночуя у людей, которые выкладывают свои координаты в специальной программе, приглашая людей на ночь просто из желания сделать что-то доброе. После собственной страны, с дикими ценами на всё и тотальным недоверием в обществе, эти условия кажутся почти что раем. Изнанка этого рая – в виде молодежной безработицы, которая в некоторых странах Европы достигает пятидесяти процентов, огромного количества мигрантов, наличия в городах целых районов, которые опасны и днем и ночью – для туриста остается неведомой...

Подводя итог: за ЕС голосовала молодежь, и голосовала сердцем, те, кто еще не потерял связь с собственной головой, клонились в сторону России. Вот только спрашивать всех, проводить какую-то общественную дискуссию, с уважением к собеседникам, к другому мнению, проводить широкие, равные, защищенные, взаимообязывающие консультации никто в Дагестане не собирался. Равно как их не проводили ни в Украине, ни в Грузии, ни где-либо еще...

Караван черных «Мерседесов» мчался по прибрежной трассе, ведущей в Дербент, город, который являлся одним из украшений Дагестана, один из самых старых городов на Земле, город, которому, по разным оценкам, от полутора

до шести тысяч лет¹³. Прибрежная трасса проходила через весь Дагестан, она была хорошей, качественной даже по европейским меркам автострадой. Потому что зимы со снегом тут почти не бывает, и дороги так не разбивает, а федеральный центр планировал развивать Дагестан как прикаспийский курорт, строить целые города на берегу древнего Каспия – и потому вложил в строительство вот этой вот магистрали. Вообще, в Дагестане было немало хороших дорог, которые сам по себе Дагестан никогда не смог бы себе позволить. Дагестан, несмотря на откровенно слабую экономику и общество с большой долей архаики в социальных отношениях, имел и огромные вложения в инфраструктуру, и железнодорожную сеть, и современные производства на своей территории, и приличную стройку, и Академию наук, откуда, кстати, вышло немало ученых российского и даже мирового уровня¹⁴. Все это совмещалось с осликами, на которых возили землю на горные террасы, ваххабизмом, фанатизмом, экстремизмом и паранджой. В этом трагическом расколе – одна часть общества в двадцать первом веке, а другая в девятнадцатом, если не еще более раннем – и был весь Дагестан...

¹³ Наиболее реалистичная оценка возраста Дербента – 2600 лет, он впервые упоминается как город в хрониках древнегреческого географа Гекатея Милетского как «Каспийские ворота». Даже в этом случае – это один из древнейших городов Земли и самый древний город в России.

¹⁴ Можно удивляться – но в Дагестане есть, например, ученые российского уровня, изучающие... русский язык!

«Мерседесы» остались еще с тех времен, когда приходили федеральные трансферты: бюджет республики наполнялся ими на семьдесят процентов, и быть чиновником было само по себе бизнесом. Это были машины E и S классов, популярные в России G и GL здесь не любили, как и «Рейндж Роверы». Почему? Потому что при взрыве придорожного фугаса, если машина низкая, да еще и бронированная, ударная волна ее как бы обтекает. А по высокой машине бьет...

В Дербенте – перед визитом высоких гостей по строгому предписанию президента – навели относительный порядок, но черного кобеля, как говорится, не отмоешь добела. Это был безумно колоритный город, с безумно колоритными жителями, с громадным туристическим потенциалом, но содержался он совершенно безобразно. В полуразрушенной крепости Нарын-Кала, если взойдешь на ее стены, можно посмотреть вниз и увидеть целые залежи сигаретных пачек, пустых пластиковых бутылок, пакетов и разного другого мусора (наша балка самая приемистая балка в мире). Силуэт древнего города непоправимо уродовали как пятиэтажки времен развитого соцреализма, так и виллы времен загнивающего капитализма – причем иногда их строили, снося строения, которым по несколько сотен лет. Такого понятия, как «архитектура», здесь не существовало, равно как и законность, кто что хотел, то и строил. В строения, которым по несколько сотен лет, вставляли пластиковые окна, дома завешивали наглой, кричащей рекламой, при необходимости

могли пробить дополнительное окно или дверь. И все-таки Дербент был хорош... с его коньяками, колоритным «верхним рынком», где продают самый сладкий в мире инжир, другие фрукты и вкусности, лепешки, которые пекут по тому же рецепту, что и тысячу лет назад, дагестанские ковры. И даже вывеска «Дагпотребсоюз» на входе и развалы дешевого китайского шмотья все это не портят...

Для гостей выполняли стандартную программу, какую ранее выполняли и для русских: первым делом повезли на Дербентский коньячный завод, один из самых старых и уважаемых в регионе, провели по залам, показали бочки с благородным напитком. Для гостей были заготовлены подарки. Беннетту подарили «Дербент» – шикарная дизайнерская бутылка в 0,99 литра и основные коньячные спирты, которые были заложены в шестидесятых годах прошлого столетия – то есть больше полувека назад! Это уже коньяк на уровне королевских дворов и высоких приемов, такие – редкость. Сопровождающим достались коньяки попроще, но все равно коллекционный коньяк – это спирты минимум десятилетней выдержки...

Потом требовалось посетить больницу или стройку, но Беннетт сломал всю программу, попросив просто показать город. Помимо прочего, это было просто-напросто опасно, охрана занервничала, но делать было нечего...

Кортеж остановился на дороге, Беннетт вышел и пошел пешком по улице. Так как ему требовался хороший рассказ-

чик и переводчик – Аслана вытолкнули вперед, и сейчас он шел по улице рядом с Беннеттом, опережая даже президента республики – тот шел на несколько шагов позади, опасаясь нападения, в окружении охраны.

– ...Потенциал здесь потрясающий, сэр... – вежливо рассказывал Аслан, – поверьте мне. Здесь сделаны основные вложения в инфраструктуру, в строительство. Основная религия здесь ислам – но в основе своей это очень терпимый ислам, сэр, все-таки пребывание в составе России принесло свои плоды.

– Да, но я слышал про теракты... – возразил Беннетт...

– Это все отщепенцы, сэр, кроме того, сам терроризм во многом вызван нездоровой обстановкой в республике, спровоцированной русскими. Правительственные силовые структуры вместо того, чтобы охранять порядок, сами провоцируют преступления, чтобы зарабатывать на них. – Аслан подумал, что сказанул лишнего, и торопливо поправился: – Но в то же время, сэр, здесь есть то, чего нет ни в одной другой части России. Здесь есть настоящая, не показная демократия, и здесь есть настоящие, живые комьюнити, местные сообщества, готовые работать над собой и над процветанием республики. Когда мы станем независимыми от России, нам потребуется помощь Европы, сэр, чтобы навести порядок. Но у нас много по-европейски образованных молодых людей, и мы готовы воспринимать лучшие европейские практики демократии и терпимости...

– Что это за вывеска? – перебил Беннетт, показав на стену. Аслан посмотрел – это был вход в подвальное помещение.

– О, здесь делают местный пирог чуду, очень вкусное и необычное блюдо, сэръ, подобие пиццы...

Аслан – несмотря на то, что не был европейским чиновником – все-таки понимал, что и как делается. Резко переводя разговор на другую тему, Беннетт дал понять, что не намерен ни слушать, ни обсуждать перспективу независимости Дагестана от России. Возможно, потому что у него нет полномочий. Возможно, потому, что такова политика ЕС – и это после того, что Путин сделал на Украине. Впрочем, ЕС можно понять – их вряд ли радует перспектива развала ядерной страны у себя под боком.

Но в конце концов, это их независимость, и никто им ее на блюдечке не поднесет. Аслан не верил, что Россия развалится... все-таки это однородная страна с однородным населением. Но Кавказ должен уйти – весь. Потому что Кавказ – не Россия, здесь очень мало российского. И от того, что Кавказ уйдет, будет лучше и Кавказу, и России. Пусть даже сначала будет очень, очень тяжело. Но на это надо пойти. В конце концов, пора когда-то прекращать жить за счет бюджетных трансфертов и начинать зарабатывать деньги самим. Тем более что деньги – да вот они, под ногами. Один из древнейших городов мира, который надо просто привести в порядок, построить аэропорт и гостиницы, проложить туристические маршруты и прекратить превращать объекты

исторического наследия в свалку бытового мусора. А колорит-то тут какой... господи, побережье Каспия, многонациональный, с присущим только Дербенту колоритом... Дербент не менее колоритен, чем Одесса! И тот же чуду... в конце концов, весь мир ест пиццу, почему он не может есть чуду? Интересно, а кто-то считал, сколько итальянцев во всем мире получили работу только благодаря пицце, пицце нищих и обездоленных, которые бросали на лепешку все, что удалось добыть, и засыпали самодельным сыром, который всегда был у пастухов. Почему дагестанский чуду не может стать таким же хитом мировых рынков, как пицца?

– ...Простите, сэр?

– Я спросил, как готовят это блюдо?

Аслан краем глаза заметил, как один из министров метнулся, подчиняясь взгляду президента. Сейчас скупит весь чуду, раз гостю понравилось...

Да... до демократии нам еще работать и работать. Ведь демократия – это уважение других, а оно проистекает в том числе и из осознания собственного достоинства. Только тот, кто уважает сам себя, может уважать и других людей...

– Все просто, сэр. Два куса теста раскатываются в тонкий слой, между ними кладется тонко нарезанный картофель, мясо и лук. Потом все это быстро запекается и разрезается, как пицца. Очень вкусный и сытный продукт, это повседневная пища местных пастухов. Возможно, нам удастся представить чуду и на других рынках как продукт общепита.

– О да, люди любят экзотику.

– Несомненно, сэр...

Они пошли дальше.

– Как вам понравился Дербент, сэр?

– Очень... необычно.

– Возможно, этому городу пять тысяч лет, сэр. Некоторые ученые считают, что ему две тысячи шестьсот лет.

– О, очень интересно...

– Полагаю, нам следовало бы развивать туризм, сэр. Ведь такой старый город интересен сам по себе, а тут интерес будет подогреваться тем, что Дербент и вообще Дагестан как направление туризма совершенно не раскручены, они не приелись, и даже если кто-то приедет сюда всего на один раз – это уже будет немало. Цены у нас здесь намного ниже, чем в России, можно организовать вполне европейский сервис. В русских школах в качестве второго языка изучают английский, так что какое-то начальное знание английского здесь есть. Построить отели тоже проблем не составит. Убрать эту рекламу, убрать мусор – и, посмотрите, какая красота. А на местном кладбище есть могилы сторонников Пророка Мухаммеда.

– О, да... – сказал Беннетт, – очень интересно – я слышал, что вы занимаетесь правозащитной деятельностью.

– Теперь я государственный чиновник, сэр, но да, я занимался правозащитной деятельностью и продолжаю отстаивать права простых людей на своей должности в министер-

стве юстиции, сэр.

– Да... кстати, мне про вас рассказала моя помощница. Она очень хорошо отзывалась о вас и о вашей работе...

Аслан подумал, что он, наверное, покраснел.

– Да... я видел ее на трапе самолета, сэр.

– Она хотела бы с вами переговорить, – подмигнул Беннетт, – чуть позже. Ну а сейчас расскажите мне, куда мы пришли...

Поскольку гостю понравился Дербент, его провели еще по старому городу, безумно колоритному, с квартальными мечетями, больше похожему на старый арабский город с изогнутыми, мощенными камнем улицами. Потом – уже темно – остановились поужинать в одном из ресторанов близ Дербентского маяка, который также являлся достопримечательностью и представлял собой немалую историческую ценность...

Там было несколько кафе и ресторанов, и сотрудники охраны быстро выгнали всех посетителей. Увы... до демократии, когда президент может гулять по улице, было еще далеко...

Только тут ему удалось ускользнуть – президент взял на себя роль тамады, и ему посчастливилось уединиться в соседнем пустом кафе с Лаймой. Стемнело... светил маяк, совсем рядом тяжело дышал Каспий... весь свет в кафе был выключен – и они так и сидели в полутьме за столиком –

только вдвоем.

Лайма...

Лайма тоже была правозащитницей из Литвы, она выступила с интересным докладом по зверствам пророссийских сил на Украине. Худенькая, высокая, коротко стриженная блондинка – она была совсем не такой, как девушки в Дагестане, она платила за себя в ресторане, и у нее была самая простая «Нокиа». Еще – она почти не носила украшений, не осыпала себя стразами Сваровски и не боялась, что после секса к ней станут приставать и насиловать местные парни.

Короче, она была из страны, где общество прошло путь от уродства коммунизма к демократии полностью – а вот им это только предстоит. И опять-таки не стоит винить Россию. Проблема в них самих. Россия виновна лишь в том, что она есть, и обвинять ее во всех бедах слишком просто – проще, чем работать над собой.

– Как ты?

– Нормально. А ты?

Они говорили по-русски.

– Отлично... как видишь.

– Кто ты сейчас?

– Специалист по России. Мне предложили работу в Брюсселе, и я не могла отказаться...

Аслан вдруг вспомнил, с каким презрением Лайма отзывалась о чиновниках, когда они были вместе во время их короткой любви. Но эта мысль вспыхнула и погасла, как свеча

на ветру...

Рядом тяжело дышал Каспий, накатывал на берег волны. Сколько городов, народов, цивилизаций он видел на своем веку...

– Ты... я смотрю, тоже... поднялся... у вас так говорят, кажется.

– Так говорят в России. У нас слово «поднялся» означает принял радикальный ислам и ушел в горы, в банду.

– Извини.

– Ничего. Это наша проблема...

– Так ты...

– Заместитель министра юстиции.

– Здорово. Это высокая должность.

– Не совсем, Лайма. Здесь всем плевать на должности.

Власть не уважают, потому что на протяжении многих лет власть была не более чем инструментом для наживы определенных людей, семей и кланов. Нам предстоит долгий и трудный путь, по которому вы уже прошли.

– Да... у вас красивый город.

– Ты смеешься?

...

– Мне стыдно, когда я вижу свалку мусора под стенами древней крепости. Рекламу на доме, которому несколько сотен лет. Когда мы ехали сюда – приказали убрать весь мусор, но когда мы приехали, мусор опять был. То есть уже успели набросать. Люди не уважают себя, не уважают то место, в

котором живут. И Дербент – это еще хороший город.

– Понимаю... Но вы хотите все изменить.

– Да, но не так все просто.

– Почему? Если вы хотите изменений... Россия ослаблена.

Аслан глубоко вдохнул и выдохнул.

– Здесь все очень сложно, Лайма. Понимаешь... русские не навязывали нам тот стиль жизни, которым мы сейчас живем... они даже не мусульмане и очень далеки от нас ментально. Мой народ жил так, как он живет, много-много лет, столетиями. Его не переделать, тем более за короткое время. Здесь нет и никогда не было демократии – зато сильно исламистское влияние и есть остаточное влияние коммунистического режима.

Лайма кивнула.

– Здесь достаточно цинизма, жестокости, мачизма, неверия, но я верю, что рано или поздно, с вашей помощью, с помощью ЕС и США, нам многое удастся здесь поменять. Здесь есть самое главное, чего нет во всей остальной России, – комьюнити. Местные комьюнити не мертвы, здесь люди держатся вместе. Не сразу, очень медленно, но нам удастся поменять многие нормы и сделать Дагестан демократической страной, возможно, это будет образец мусульманской демократизации. Русские оставили здесь не только плохое, здесь все получили образование, хоть какое-то, но образование, и здесь сильны светские начала в обществе.

Лайма снова кивнула.

– Аслан, ты знаком с... представителями радикального подполья?

– Что?

– С представителями радикального подполья, – терпеливо повторила Лайма.

– Ах... да, знаю некоторых. Здесь все кого-то знают из них, республика-то маленькая.

– Я бы хотела с ними увидеться.

– Зачем?

– Нужно.

Аслан улыбнулся – как будто услышал глупость от маленького ребенка.

– Лайма, с ними нельзя увидеться. Они не будут с тобой разговаривать.

– Потому что я женщина? – понятиливо сказала Лайма.

– По многим причинам. В том числе и поэтому. Ты женщина, ты неверная. Я объяснял тебе, здесь очень традиционное общество.

Лайма улыбнулась.

– А ты мог бы с ними встретиться?

– Мог бы. Но зачем?

– Ну... кое-что передать. А я бы пока жила у тебя.

И она подмигнула.

– Что ты хочешь им передать? – не понял Аслан.

– Ну... например деньги. Меня в принципе... интересует

возможность сотрудничества.

– Какого сотрудничества?

Лайма пододвинулась ближе и взяла руки Аслана в свои.

– Аслан, послушай. Мы понимаем, что ты сын своего народа и патриот своей земли. Но путь к освобождению долог, и вы пока сделали только первый шаг. Посмотри, что происходит с Украиной. Русские отпустили ее, но потом пришли за своим. С вами может произойти то же самое, вот почему мы бы хотели иметь контакты с вашими... лесными людьми, я правильно говорю?

– Так не получится, – покачал головой Аслан, – ты не понимаешь. С ними невозможно договориться. С ними не о чем договариваться. Это бандиты, они несут зло в республику, несут зло людям. Они террористы, Лайма. Мы должны с ними бороться, понимаешь? Иначе не будет демократии.

– Аслан, демократия может и подождать. Важнее другое. Аслан заподозрил неладное.

– То есть? Как это так?

– Понимаешь... вас никто не знает. Про вас никто не говорит. Ситуация в мире... не такова, чтобы мы могли выделять деньги кому попало. Но если вы окажете нам услугу... поверь, мы не забудем этого.

– Постой. Кто это – мы?

Лайма улыбнулась.

– Мы – это Соединенные Штаты Америки.

– Постой-ка. Ты же говорила, что ты латышка.

– Да, я латышка, но я родилась в США. Сейчас я живу и работаю на своей исторической родине, понимаешь?

– Нет.

– Я продвигаю демократию, Аслан. Помогаю людям обрести свободу. Делаю то, что нужно, – и поверь, я лучше знаю, что нужно.

– Ты из ЦРУ! – вдруг понял Аслан.

Я, Дибиров Аслан Ахатович, 20.02.1997 г. р., студент факультета «Информационные технологии» ДГУ, признаю, что летом 2017 года в период моего нахождения в г. Вильнюсе был завербован ЦРУ США с целью ведения подрывной деятельности против Российской Федерации. Вербовка произошла при следующих обстоятельствах...

– Аслан, я не из ЦРУ. Ты знаешь, откуда я, ты знаешь, чем занимается наш фонд. Ты получил наш грант.

– Ты из ЦРУ! Так вот почему...

– Аслан, послушай. То, что было между нами, – все было по-настоящему.

– Ты лжешь.

– Дослушай. Да, все было по-настоящему, но сейчас нам действительно нужна ваша помощь. А вам – наша. Я – литовка, мои прадед и прабабка вынуждены были бежать от наступающей Красной армии. Моя страна оказалась под пятой русских на долгие сорок лет! Разве ты не понимаешь, что пока есть Россия, ни мы, ни вы не сможете жить в безопасности! Наша общая задача – уничтожить Россию, и ты дол-

жен в этом помочь.

Прадед и прабабка Лаймы действительно сначала бежали в Германию, потом сдались американцам, оказались в лагере для перемещенных лиц, а потом попали в США. Прадед был литовцем, и потому ему не сделали под мышкой татуировку – личный номер эсэсовца. Уже на следующий год после прибытия в Штаты прадед получил работу – ЦРУ нужны были люди со знанием языков, обычаев и территории стран, вошедших в состав СССР.

– Тебе не нужна демократия, так?

– Послушай.

– Нет, это ты послушай. Тебе не нужна демократия. Тебе не интересен мой народ и то, чем он живет. Ты просто хочешь бросить мой народ в бойню вместо своего. Ты хочешь, чтобы все мы погибли в войне.

– Я этого не хочу!

– Хочешь. Ты шпионка. Приехала сюда, чтобы шпионить. Тебе не интересен мой народ – тебе интересны бандиты.

– Аслан!

– Пошла ты.

Аслан встал и пошел на выход. Но на полпути вернулся.

– Прими ислам, иди в мечеть на Котрова, покрутись там. Таких, как ты, там любят. Пригласят в лес – иди, так ты и познакомишься с боевиками. Очень близко, как ты любишь...

И тут загремели выстрелы...

Стрельба в Дагестане начинается по поводу и без...

Здесь повод был очень простой, простой настолько, что хотелось плакать от бессилия что-то изменить. Несколько местных быков, уже датых, подъехали к знакомому заведению, тут им путь преградила охрана. Это в России, как только охранники перекрывают тротуар, все молча сходят с него и обходят по дороге. В Дагестане – другое, и Махачкалу здесь уважали не сильно. Быки начали обострять, а потом случилось то, что в Дагестане называют «нежданчик».

Два человека убито. Один охранник и один бык. Несколько раненых.

Аслан нашел своего шефа около «Мерседеса», тот взял из машины трубку и ругался в полный голос. Столпотворение дорогих седанов и джипов высвечивалось синими сполохами мигалок «Скорых». Дав необходимые указания, министр юстиции, не стесняясь, выругался.

– Как зае... л весь этот неджес¹⁵! Теперь из-за пары хайванов¹⁶ подумают, что мы тут зверье какое-то.

Аслан подумал, что они тут и в самом деле зверье. И он тоже зверье. Потому что их всех считают зверьем и натравливают, как зверье. Их покупают, и покупают дешево – просто покупатели разные. У тех, кто поднялся, покупатели – Катар, Саудовская Аравия, а у таких, как он, – покупатели США и ЕС. Но так же дешево и цели одни и те же.

¹⁵ Грязь.

¹⁶ Животных, зверей.

И что с этим делать, он не знал...

Информация к размышлению
Документ подлинный

Новостная лента

В Дагестане предотвратили серию терактов

Инспектора-героя собираются наградить

В Дагестане в селении Хучни произошёл теракт

Убитый в Махачкале боевик причастен к громкому

теракту

В Дагестане обезврежены шесть самодельных бомб

В дагестанском Хасавюрте сапёры обезвредили две бомбы

В Дербенте рядом с автобусом с пограничниками взорвалась бомба

Спецборт МЧС доставил в Москву раненых из Дагестана

Двойной теракт расследуют в Дагестане

В Буйнакске от взрыва погиб военнослужащий

Теракт в Хасавюрте смертник совершил на угнанной машине

В Дагестане уничтожены организаторы утреннего теракта

Спецоперация в Дагестане: в Хасавюрте предотвра-

щён крупный теракт

В Вологодской области объявлен траур по погибшим полицейским

В Дагестане уничтожены трое боевиков, четверо полицейских погибли

Взрыв в Дагестане: террористы отобрали машину у таксиста

Теракт в Хасавюрте: число жертв увеличилось до 6 человек

На окраине Хасавюрта идёт столкновение с боевиками

Бомбу в Дагестане взорвал смертник

<http://www.newstube.ru>

Дагестан, Махачкала, 1 мая 2018 года. Размежевание

Потом... Аслан долго вспоминал, но так и не мог вспомнить того конкретного момента, с которого началось размежевание...

Вообще, все было проделано хитро. Очень хитро, надо признать...

Надвигались майские праздники. Власти в Москве сделали выходными с первого мая по девятое, майские каникулы. Под это дело в республику вернулось большое количество народа, которое работало в Ростове, Краснодаре, Сочи, Симферополе, Севастополе, даже в Москве и Питере. Начальство, наоборот, поехало в большинстве своем за границу. А кто и не за границу – уже потом они выяснили, что некоторые представители республиканской верхушки фрахтовали самолеты, корабли, вывозили семьи и награбленное. Никто ничего не заметил, не придал значения...

Нет, слухи об этом, конечно, ходили. Тема сецессии – отделения кавказских республик от России, причем не по инициативе самих республик, а по инициативе России – ходила в медийном пространстве уже несколько лет и всем успела приесться. Хватит кормить Кавказ! Никто особо не поддерживал такое. Несмотря на все проблемы, Кавказ – это Каспий, это чеченские нефть и газ, это огромные деньги, вло-

женные в инфраструктуру, это курорты. Наконец, это препятствие на пути продвижения американских и турецких военных баз. В Грузии уже уселись американцы, но пока они особой роли не играли – Кавказ был полностью российским, Россия удерживала стратегически важную Военно-Грузинскую дорогу и Рокский тоннель, трехкилометровый, представляющий собой настоящее чудо инженерной мысли. Пока Россия контролировала Кавказ чуть менее чем полностью. Но если Россия уйдет с Кавказа – свято место пусто не бывает, и у того, кто придет на ее место, появится возможность создавать угрозу для всего Юга России, для самых плодородных ее земель и самых пригодных для жизни территорий – до Ростова и даже дальше. И все понимали – горцы, лишённые работы и организуемого русского начала (а оно было, хоть и никто этого не признавал), перережут друг друга, начнут бандитствовать и похищать людей. Это уже было в Чечне на излете двадцатого века, и вряд ли кто-то хотел повторения...

В медийное пространство некоторыми горе-аналитиками постоянно вбрасывалась концепция «стены», то есть построить огромную стену и отсечь Кавказ от собственно русских регионов. Но любой мало-мальски вменяемый человек понимал, какой это бред. Во-первых, длина стены предполагалась более тысячи километров. Если делать не просто бетонный забор, а обустраивать как положено – с камерами, контрольно-следовыми полосами и прочим, – то стоимость одного километра стены обойдется как минимум в милли-

он долларом. Это если не воровать, если воровать, то сумма взлетает в космос. Во-вторых, после размежевания в Россию хлынет огромное количество беженцев, их надо как-то встречать, устраивать, давать работу, приобретать недвижимость. Только закончили с горем пополам обустраивать беженцев, прибывавших после распада СССР, после войны на Украине – и вот новая волна беженцев, причем созданная искусственно. В-третьих, стена, построенная между США и Мексикой, никак не решила огромного количества мексиканских мигрантов, не решила она и проблему наркотрафика. Стена между Израилем и Палестиной во многом проблеме решила, но тут надо понимать масштаб и особенности Израиля как государства. В-четвертых, в случае ухода придется оставить огромное количество военной техники, военные городки и вообще – огромное количество дорогостоящей инфраструктуры, построенной на федеральные деньги. Непонятно также, что делать с кредитами, выданными федеральными банками как физическим, так и юридическим лицам на отделяемой территории – ничто не мешает им заявить о том, что отдавать не будут. А техника, может быть и скорее всего, будет использована против России же. В-пятых, все равно в стене придется делать какие-то проходы, КПП. И на них все равно будут стоять русские менты, другим тут просто неоткуда взяться. И это будут те же самые менты, которые за деньги пропустили колонну боевиков Басаева до Буденновска. То есть принципиально стена проблему не решит. Про-

блема не в Кавказе, а в способности или неспособности государства обеспечить правопорядок. И если оно не способно, если на КПП будут стоять те же самые менты, то ничего не улучшится, будет только хуже.

Так что вопрос стены озвучивался лишь маргинальными политиками, к которым, кстати, относился и Бельский, нынешний и. о. Президента России. Опросы показывали, что при правильной постановке вопроса большинство населения России высказывается за отсоединение Кавказа по инициативе самой России. Но всерьез опросы на эту тему почему-то никто не воспринимал...

Ночью Аслан Дибиров проснулся от шума вертолетов. Он переехал в новую квартиру – высотку на Генерала Омарова, купил там двухкомнатную квартиру. Сделал он это в основном для того, чтобы отдалиться от родных: тут была пропускная система, и просто так не походишь. С тех пор как он стал заместителем министра юстиции, требования родственников жениться стали совсем уж невыносимыми, а кандидатур было около восьмидесяти. Ему предлагали в жены кузин, двоюродных, троюродных и четвероюродных племянниц, еще каких-то, степень родства которых он не понимал, – в общем, каждый человек в его роду и туххуме, у которого была дочь, вознамерился выдать ее за Аслана Дибирова. Видя, что осада не имеет успеха, закидывали удочки и представители других туххумов, родов и народов. Не получая ответа, злились, по Махачкале ходили слухи, что у него две же-

ны, которым он купил по квартире в разных районах города, потом нашли третью жену, аж в Буйнакске. Кто-то авторитетно заявлял, что Дибиров – голубой. Но он не обращал на это особого внимания...

Звук вертолетов привлек его внимание, потому что вертолеты могли означать аресты. В республике было и так неспокойно, и какие-то неуклюжие действия федералов могли запросто привести к социальному взрыву. Он вышел на балкон, посмотрел. Кажется, летали в центре города... непонятно, что вообще делается. Он позвонил дежурному министерства – но там толком ничего не знали...

Утром его разбудил звонок министра. Он спросонья схватил трубку.

– Знаешь? – голос министра был резким.

Ясно...

– Кого... – спросил Аслан.

– Что – кого?

– Арестовали кого?

– Не знаешь, значит. Россия от нас отказалась. Сецессия.

– Это как... – глупо спросил Аслан.

– Как-как... Подъезжай в министерство, узнаешь как. Я в министерстве...

Аслан бросился к столу, врубил компьютер. Еще не проснувшийся ото сна мозг отказывался воспринимать информацию...

Принимая во внимание сложившуюся обстановку...

непреодолимые культурные различия... невозможность и дальше поддерживать... нет другого выхода... мирное размежевание как альтернатива продолжению... лучшие мировые практики мирного решения...

Всё!

Он откинулся на стуле, сердце бухало в груди. Россия уходит, добровольно. Они теперь независимое государство.

Независимое демократическое государство.

Теперь они сами решают свою судьбу. Сами могут строить государственность так, как сочтут нужным. Сами могут учиться демократии, правам человека, не оглядываясь на мнение Москвы...

Почему-то было страшно. Весело и страшно...

Когда он подъехал в министерство, министр уже был на месте. Два внедорожника «Тойота» стояли сбоку от министерства, около них были вооруженные автоматами люди, родственники министра...

Министр находился в кабинете, он был в легкой куртке, в которой он выезжал за город, выброшенной прямо поверх рубашки. На большом столе стояла сумка, огромная, с надписью «Адидас», в ней министр хранил спортивные принадлежности, потому что был мастером спорта и очень этим гордился. Но сейчас спортивные принадлежности были сброшены на пол рядом со столом, а министр деловито наполнял сумку зелеными пачками стодолларовых купюр и фиолето-

выми – по пятьсот евро, доставая их из сейфа. Еще рядом стоял большой пакет из магазина «Магнит», полный, судя по форме, денег. На столе лежали бумаги, аккуратной стопочкой, и поверх них лежал автомат. Автомат был АКМС с откинутым прикладом и смотанными синей изолентой рожками магазинами...

Увидев входящего, министр схватился за автомат, но, рассмотрев Аслана, успокоился.

– Дибиров... ты.

Аслан прошел в кабинет и аккуратно затворил за собой дверь.

– Ибрагим Мамедович... а вы что делаете?

Министр разместил в сумке последние стопки банкнот, критически оглядел получившееся и начал застегивать. Но молния не застегивалась, и тогда министр, ругаясь, начал распахивать пачки денег по карманам.

– Сваливаю... – зло сказал он, – не въезжаешь?

– Вижу... а зачем?

– Ты чего, не понял ничего? Ай, шайтан...

Министр с жалостью посмотрел на сейф. Там еще были деньги – а места для них уже не было...

– Ладно. Все, что осталось, – твое. По справедливости.

Вжикнула молния. Министр набросил на плечо тяжелую сумку и взял со стола автомат...

– Тут мое заявление об отставке, – сказал он, показывая на бумаги, – и мое письмо на имя президента... или кто там у

вас сейчас будет. В нем я прошу назначить министром тебя. Заслужил... Гордись...

У вас...

– Ибрагим Мамедович... но зачем же уезжать? Неужели вам не хочется поучаствовать в государственном строительстве? Это же новое государство, в котором все будет устроено так, как мы хотим, по справедливости.

Министр усмехнулся.

– Вай, эбель. Ты думаешь, что сейчас будет? Независимый демократический Дагестан? Справедливость? Ага, от осла уши! Кровь сейчас будет! И большая кровь! В крови захлебнетесь. А мне в этом неджесе участвовать неохота. Хватит с меня. Задолбало...

Видимо, на лице Дибирова было написано что-то такое...

– Дурость все... – каким-то не своим, потерянным голосом продолжил министр, – какие все дураки были. Качали, качали лодку – вот и... раскачали на свою голову. Надо было эти митинги с бэтээров расстрелять. Ладно, всё, расход...

Министр взял в одну руку пакет с деньгами, в другую автомат.

– Прощай...

И вышел через дверь, ведущую в комнату отдыха...

Через окна Дибиров наблюдал, как машины министра с мигалками вырулили на дорогу. Им не хотели уступать... с головного внедорожника грохнула автоматная очередь. В

небо, в небо...

Пропустили.

Аслан подошел к сейфу, посмотрел. Там были какие-то папки и пачки денег, те, что остались. Он машинально захлопнул дверцу сейфа, не взяв ни пачки, и даже не подумал, что министр не сообщил ему код от сейфа, убегая...

Что делать...

Решив, он взял пачку бумаг с министерского стола, прижал к груди. Осторожно вышел, притворил дверь. Только что подошедшая секретарша уставилась на него.

– Аслан Ахатович... вы слышали...

Дибиров отмахнулся, вышел в коридор.

В своем кабинете он перечитал оба документа, заявление об отставке и письмо на имя президента. Потом достал непрозрачную папку, вложил в нее оба документа. Поднялся, запер дверь на ключ, вернулся. Загрузил текстовую программу, забарабанил по клавишам.

Что ж, насильно мил не будешь. Нельзя... бессмысленно и даже опасно привлекать к строительству государства тех, кому оно не нужно. Этот урок необходимо было усвоить всем на основе украинских событий – попытка построить общее государство тех, кто любил Украину, и тех, кто ненавидел Украину, не дала ничего хорошего. Если кто-то хочет уехать – ему надо дать уехать.

И если уж предстоят тяжелые времена, то лучше всего, если во главе Минюста будет честный человек, а не взяточник.

То есть он сам. Потому что других чиновников – не взяточников он не знал.

И если он идет к президенту с этими письмами – то помимо писем надо иметь и краткий план действий на посту министра. Министерство юстиции – критически важное министерство, от него во многом зависит ситуация с судом и законностью в стране, а от этого зависит и инвестиционный климат, и восприятие страны международным сообществом...

Из министерства Аслан Дибиров выбрался уже около одиннадцати. До здания Госсовета было недалеко, и он решил пойти пешком. В отличие от остальных дагестанских чиновников он очень любил гулять пешком, а расстояния в центре Махачкалы небольшие, и часто пешком получается быстрее, чем в машине по пробкам...

Атмосфера в городе изменилась, и сильно... собственно, она менялась постоянно, но сейчас была похожа на нарастающий ветер, который вот-вот перейдет в штормовой.

По улицам проносились машины. На большой скорости, не обращая внимания ни на знаки, ни на светофоры, сигналиая и мигая фарами. Он видел белую «Приору», в ней – из всех окон, кроме водительского, высунулись люди, они прямо сидели в окнах, держались за крышу, орали и махали руками.

Другие машины и даже грузовики, нагруженные чем попало, ехали тихо, но быстро, среди них попадалось немало

дорогих машин. Нетрудно было догадаться, куда они направляются – к административной границе...

Попавшееся на пути отделение Сбербанка было закрыто, но около него стоял джип «Форд Эксплорер», и какой-то человек раз за разом совал карточку в банкомат, забирал деньги, сбрасывал их в большой плотный мешок и вставлял карточку снова. Второй стоял к первому спиной, а лицом к толпе и держал автомат Калашникова на изготовку. Толпа – человек тридцать-сорок – угрюмо молчала...

Еще кто-то танцевал лезгинку прямо на проезжей части, которая выглядела так, как будто по городу прошли танки.

Около жилого дома какой-то человек пытался приторочить на крышу своей машины холодильник. Около него бестолково бегала жена.

Еще дальше – в проулок напротив – зарулил полицейский «уазик». Двое полицейеров, выйдя из машины, начали срывать с себя форму, бросая на землю, потом они начали одеваться из больших пакетов в гражданское. Одевшись, они воровато огляделись и побежали куда-то вглубь дворов, бросив машину и форму.

Аслан подошел ближе к машине. Надрывалась рация, в замке зажигания торчал ключ, а на заднем сиденье лежали два бронежилета и два автомата «АКС-74У» со сложенными прикладами. Аслан достал ключ из замка зажигания, запер машину, потом повесил два автомата за плечо, один, затем другой. Задумчиво пошевелил ногой полицейское тря-

пье, пошел дальше. Никто его не останавливал, несмотря на два автомата.

На углу была билетная касса, продавали билеты на автобусы, тут полно было частных автобусов. Очередь в нее была человек сто, не меньше...

На площади Ленина толпился народ, его все прибывало, завывали моторы. Аслан подошел поближе, чтобы понять, в чем дело. Увидел, как двумя машинами – «Мерседес Гелендваген» и «Порше Каейнн» – дергают тросы, пытаются повалить памятник Ленину...

Его пихнули.

– Отойди, упадет щас...

Памятник сопротивлялся недолго, под приветственные крики толпы тяжело рухнул вниз. И в этот момент Аслана пихнули в бок.

– Аслан! Че ты, как ты, где ты?!

Обернувшись, он увидел Магомеда.

– Че, движения – не движения, как сам, папа-мама, брат-сеструха... – Магомед говорил, почти орал, не дожидаясь ответов, на боку у него был «АКМ», сам он был в камуфляже каком-то, – зачем тебе два автомата, а? Красава. Ты так с ними по городу перся? Ай, саул, грамотный пацан. Красавчик...

Рядом с Магомедом были его люди, вооруженные.

– Зачем памятник валите? – спросил Аслан.

– Че?

– Памятник зачем валите?

– Ну ты камень. Он же из бронзы, знаешь, сколько бронза стоит?

Ясно...

– Че, русские нас бортанули, да? Наша власть теперь...

Магомед вдруг посерьезнел.

– Не, а ты че от жизни хочешь?

– Мне бы к президенту попасть...

– А... а че надо?

Аслан решил играть в открытую, вынул письмо. Магомед пробежал глазами, посерьезнел еще больше.

– Пошли...

В дом правительства просто так уже не попасть, там сооружают баррикады, полно черных внедорожников, дорогих седанов и людей с оружием – все, у кого есть родственники, вызвали их сюда, на случай чего. Полиция тоже есть, но старается не отсвечивать. В коридорах – хай-х... люди с оружием, кто-то куда-то бежит, кто-то с кем-то общается, встав посреди дороги. У одного из открытых окон – пулемет, смотрит своим рыльцем на улицу Расула Гамзатова. Все уже реально, по-взрослому...

Магомед, где-то обнимаясь, где-то крича, где-то протискиваясь, продвигался вперед, волоча на буксире Аслана. На этаже, где сидел президент, обернулся, крикнул:

– Давай бумаги!

Аслан отдал бумаги, и Магомед канул в толпе...

Магомед появился больше чем через час, когда уже шла кругом голова, они протолкались к выходу. Народу на площади стало еще больше, на Гамзатова рычали бэтээры.

– На, – Магомед сунул Аслану его папку, – цени. Ты мне землю зажал... а я к тебе как к родному...

Аслан открыл папку... его толкнули, кто-то бежал к кому-то обниматься, снося все на своем пути. Бросился в глаза знакомый флаг на бланке...

Дибирова Аслана Ахатовича назначить министром юстиции Республики Дагестан...

Аслан поднял глаза на друга и задал один только вопрос:

– Зачем?

Магомед толкнул его.

– Отойдем.

Они отошли за машины. Из опущенных окон надрывался Муцураев.

Ра-а-а-ай под тенью

Сабель.

Ты на священной войне

Ты мусульманин...

– Зачем... – скривившись в улыбке, сказал Магомед, – ну, во-первых, дружба с министром юстиции – это само по себе плюс. Даже если он такой честный, что тебе клочок земли выделить нормально не может, чтобы дом построить. Если про тебя знают, что ты с министром в деснах...

– А второе?

– Второе? Я, знаешь, тоже в этом городе живу. И мои дети живут. Может, что и получится, да же¹⁷?

– Пойдешь ко мне работать?

Магомед опешил

– Ты что, серьезно?

– А что не так?

– Я же не юрист.

– Один честный человек стоит десятка юристов...

Магомед рассмеялся и похлопал его по плечу.

– Ну какой я честный, в натуре? Я бандит.

– Ты честный хотя бы в том, что понимаешь разницу между добром и злом. Другие не понимают и этого, для них все едино. И все в карман. Я один республику не построю.

Магомед снова покачал головой.

– Нет. Прости, друг, но нет. Не моя тема. Мне не до этих умностей, я есть тот, кто я есть.

– То есть я буду строить новую республику, а ты на это со стороны смотреть, так?

Магомед не нашел что ответить. Аслан какое-то время смотрел ему в глаза, а потом отвернулся и пошел меж машин на площадь...

Информация к размышлению

Документ подлинный

¹⁷ Частое окончание предложений в дагестанском молодежном сленге.

Один из самых страшных ночных кошмаров официально Баку возвращается из небытия. В конце сентября в Дагестане был воссоздан один из самых трагичных на постсоветском пространстве общественных проектов конца XX века. Речь идет о Лезгинском национальном движении «Садвал».

В России на эту новость не обратили никакого внимания. Но в Азербайджане она разлетелась со скоростью света. Поскольку с момента обретения Азербайджаном независимости именно «Садвал» представлялся азербайджанскими властями в качестве одной из самых главных угроз молодого государства.

Активисты «Садвал» в свое время были обвинены азербайджанскими властями в подрыве бакинского метро, пособничестве армянским спецслужбам, большое количество активистов движения было брошено в тюрьмы, а сама организация названа террористической и запрещена на территории страны. И теперь, судя по всему, для Баку приходит новый этап борьбы с лезгинской угрозой.

Ночной кошмар Баку

Движение «Садвал» («Единство») было создано на момент развала Союза и провозглашало своей основной целью воссоединение лезгинского народа, разделенного границей между Азербайджаном и Дагестаном. Однако борьба за

единство народа была жестко пресечена азербайджанскими властями.

Активисты «Садвал» были обвинены азербайджанскими властями в подрыве бакинского метро. Напомним, что 19 марта 1994 года в результате взрыва на станции метро «20 Января» Бакинского метрополитена погибло 14 человек, ранено 49. По утвердившейся в Азербайджане версии, теракт организовали спецслужбы Армении, использовав в качестве исполнителей «боевиков» «Садвал», прошедших подготовку в Армении.

Представители же «Садвал» категорически открещивались от данного теракта. Тем не менее власти Азербайджана, объявив, что «Садвал» занимается антиправительственной деятельностью, полностью разгромило ячейки движения на своей территории. По сообщениям «Садвал», все первичные организации в Азербайджане закрыты, было арестовано более 1000 человек, около 100 человек осуждены на длительные сроки. Правовой центр «Мемориал» и «Правозащитный центр Азербайджана» признали фигурантов этого дела политзаключенными.

Лезгинский общественный деятель Гаджи Абдурагимов писал по этому поводу: «Баку, заставив под пытками признать всевозможные злодеяния ни в чем не повинных людей, называя их «садвалистами», проводив закрытый суд, не позволив никому ознакомиться с материалами следствия, вынес обвинительные приговоры активистам «Садвал» – от

15 лет лишения свободы до смертной казни (замененной позже на пожизненное заключение)».

Лезгинские активисты продвигали версию о том, что взрыв метро в Баку был совершен азербайджанцем, но повешен на «Садвал». Абдурагимов пишет по этому поводу:

«Сообщение о том, что к взрыву в метро «Садвал» не имел никакого отношения, появилось позже. Газета «Евразия» (15.04.98), выходящая в Баку, в статье под названием «Я взорвал метро ради спасения матери», сообщает, что арестованный в Москве и переданный азербайджанской стороне гражданин этой республики Азер Салман-оглы Асланов на судебном процессе полностью признался в том, что он в целях спасения жизни матери осуществил взрыв в Бакинском метрополитене.

Будучи командиром батальона, воюя в Карабахе, после контузии оказался в плену у армянской стороны. Армяне якобы пригласили мать Азера навестить сына и, захватив ее, принудили сына взорвать метро в Баку, за что обещали свободу матери...»

«В тюрьмах Азербайджана от побоев погибли: Ибрагимов Джасалал, Меликов Низами, Багиев Руслан, Гаджибалаев Ровшан, Сулейманов Тельман, Зияров Мубариз, Сафаров Сулиддин и другие активисты движения. Тогдашнее дагестанское руководство не только пальцем о палец не ударило, чтобы защитить безвинных людей, сами приняли этот варварский опыт», – отмечает Абдурагимов.

Назим Гаджиев, председатель правления Лезгинского национального движения «Садвал»

Главная цель ЛНД «Садвал» – объединение лезгин. Каждый народ мечтает о единстве. Мы хотим, чтобы лезгины имели равные права с народами России и Азербайджана. В России некоторые народы, которые даже в несколько раз меньше по численности, имеют национальные республики.

Разделенность лезгин на совести страны, определившей границу так, что она разделила народ. Россия и президент РФ, как правопреемники, должны содействовать объединению народа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.